

ПАДДЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧЪ БУЛГАРИНЪ.

1789 — 1859.

I.

Биографическій очеркъ, составленный Н. И. Гречемъ.

I.

Замѣчено и какъ бы принято въ литературѣ, что бранять писателя, когда онъ находится въ живыхъ, пока онъ дѣйствуетъ на своихъ современниковъ, на соперниковъ, на враговъ. По смерти же выставляютъ обыкновенно хорошія его стороны, забываютъ слабости, прощаютъ его ошибки, промахи, даже дѣла непохвальные. Замѣчательно, что Булгарину выпала противоположная участь: при жизни, одни его хвалили, другіе терпѣли, третьи ненавидѣли, многіе спорили, бранились съ нимъ, но безусловно его не поносили, развѣ въ ненапечатанныхъ эпиграммахъ. Видно, боялись его колваго, неумолимаго пера. Но по смерти сдѣлался онъ предметомъ общей злобы и осмѣянiя. Люди, которые не годились бы къ нему въ дворники, ругаютъ и поносятъ его самымъ безпощаднымъ, безсовѣстнымъ образомъ. Въ некрологѣ вальндаря на 1860 годъ напечатанъ былъ о Булгаринѣ отнюдь не хвалебный, но довольно безпристрастный отзывъ: эта статья подверглась насмѣшкамъ и брани. Что могло-бы быть виною этого явленiя? Повторяю: мертваго льва уже не боялись собаченки. Исполню долгъ чести и правды, составивъ описанiе его жизни, дѣлъ и характера. Волею и неволею былъ я въ продолженiе долгаго времени въ тѣсныхъ съ нимъ сношенiяхъ: буду говорить о немъ сущую правду, не скрою темныхъ сторонъ его жизни и характера, его слабостей и не-

достатковъ, но въ то же время отдамъ справедливость тому, что было въ немъ хорошаго, и опровергну клеветы, взведенныя на него завистью, злобою и мстительностью. Буду принужденъ коснуться и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и постараюсь исполнить возложенную на меня обязанность со всевозможнымъ безпристрастіемъ и пощадою. Буду говорить и о себѣ сколь можно равнодушнѣе и правдивѣе. Впрочемъ обстоятельства, въ которыя я долженъ входить, извѣстны всѣмъ, и говоря о нихъ явно, я не нарушаю никакой тайны.

II.

Таддеей Венедиктовичъ Булгаринъ (Thaddeus Bulharyn) родился 24 июня 1789 г. въ Виленской или Минской губерніи. Отецъ его, рьяный республиканецъ, извѣстный въ округѣ своемъ подъ именемъ шальнаго (szalny) Булгарина, въ пылу польской революціи (1794 г.) убилъ (не въ сраженіи) русскаго генерала Воронова, и былъ сосланъ на жительство въ Сибирь. Жена его, сколько могу судить по преданіямъ, женщина добрая и почтенная, отправилась съ сыномъ своимъ Таддеемъ въ Петербургъ, и успѣла помѣстить его въ Сухопутный (что нынѣ первый) кадетскій корпусъ, который былъ уже не тѣмъ, что подъ начальствомъ графа Ангальта, но сохранялъ еще остатки и преданія прежняго своего достоинства. Мужъ ея, Бенедиктъ, возвращень былъ на родину императоромъ Павломъ, и вскорѣ умеръ. Вдова его вышла замужъ за какого-то Менджинскаго, и имѣла съ нимъ сына и дочь. Сынъ служилъ въ русской арміи, честно и храбро, былъ израненъ, жилъ потомъ въ отставкѣ и умеръ въ тридцатыхъ годахъ. Дочь, Антонина Степановна, была въ молодости красавицею. Мать, имѣя процессъ въ сенатѣ, привезла ее съ собою въ Петербургъ. Здѣсь влюбился въ нее сенатскій секретарь Александръ Михайловичъ Искрицкій, и женился на ней. Онъ имѣлъ сыновей Демьяна, Александра и Михаила, о которыхъ пойдетъ рѣчь впоследствии.

Таддей, нареченный симъ именемъ при крещеніи, въ честь Костюшки, учился въ корпусѣ очень хорошо, и смолоду оказывалъ большія способности. По экзамену слѣдовало бы ему войти въ артиллерію или въ генеральный штабъ, но цесаревичъ Константинъ Павловичъ, по особому благоволенію въ полявамъ,

которые потомъ заплатили за это благоволеніе по-польски, взяли его въ свой уланскій полкъ, который, послѣ того, сдѣланъ былъ гвардейскимъ.

III.

Булгаринъ былъ принятъ во многихъ хорошихъ домахъ Петербурга, особенно въ польскихъ, и, какъ вся тогдашняя молодежь, велъ жизнь разгульную и буйную. Съ полкомъ своимъ онъ былъ въ походахъ 1805, 1806 и 1807 годовъ, и хотя въ послѣдствіи рассказывалъ мнѣ о своихъ геройскихъ подвигахъ, но, по словамъ тогдашнихъ его сослуживцевъ, между прочимъ генерала Госеліана, храбрость не была въ числѣ его добродѣтелей: частенько, когда наклеивалось сраженіе, онъ старался быть дежурнымъ по конюшнѣ. Однако онъ былъ сильно раненъ въ животъ при Фридландѣ, и лежалъ нѣсколько недѣль въ венигсбергскомъ лазаретѣ. Тамъ свидѣлся онъ со многими поляками, служившими въ арміи Наполеона: они приглашали его перейти къ французамъ. Булгаринъ отвѣчалъ имъ: «Теперь было бы безчестно сдѣлать это. Дайте срокъ: заключать миръ; 1-го сентября подамъ въ отставку и привачу къ коханымъ». По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, наскучила ему единообразная гарнизонная служба. Онъ отправлялъ ее нерадиво и своевольно. Однажды, съ дежурства по эскадрону въ Стрѣльнѣ, онъ махнулъ, безъ спросу, въ Петербургъ, чтобъ потѣшиться въ публичномъ мавсардѣ; заѣхалъ къ одному товарищу, адъютанту цесаревича, жившему въ Мраморномъ дворцѣ, нарядился амуромъ въ трико, накинувъ на себя форменную шинель, надѣлъ уланскую шапку, и спускался по задней лѣстницѣ. Вдругъ увидѣлъ предъ собою цесаревича.

— «Булгаринъ?»

«Точно такъ, ваше высочество».

— «Ты, помнится, сегодня дежуришь, да что ты закрываешься?» вскричалъ великій князь, сбросилъ съ него шинель, и увидѣлъ амура съ крылышками и колчаномъ. «Хорошъ! милъ! Ступай за мною».

Сошли съ крыльца. Цесаревичъ посадилъ его къ себѣ въ карету, и привезъ на балъ къ княгинѣ Четвертинской, взялъ за руку и ввелъ въ залу, наполненную бо-мондомъ.

«Полюбуйтесь!» сказалъ онъ хозяйкѣ и гостямъ: «вотъ де-

журный по карауламъ въ Стрѣльнѣ. Вонъ, м.....! Сію минуту отправляйся къ полковому командиру подъ арестъ!» Амуръ, пристыженный, одураченный, удалился при общемъ хохотѣ.

Дѣло кончилось арестомъ, но послѣдствія его не прекращались. Цесаревичъ при всякомъ случаѣ напоминалъ шалуну его дерзость, и взыскивалъ съ него болѣе чѣмъ съ другихъ. Измученный и службою и этимъ преслѣдованіемъ, Булгаринъ написалъ на своего начальнива сатиру, начинавшуюся стихами:

Трепещеть Стрѣльна вся, повсюду ужась, страхъ.
 Неужели землетрясенье?
 Нѣтъ! нѣтъ! великій князь ведетъ насъ на ученье.

Къ поэзіи присоединились еще нѣсколько прозаическихъ немарсовскихъ подвиговъ, и корнета Булгарина перевели въ какой-то армейскій драгунскій полкъ (находившійся въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи), выдержавъ его, помнится, три мѣсяца въ кронштадтской крѣпости. Просидѣвъ нѣсколько времени въ казематѣ, онъ былъ выпущенъ добрымъ комендантомъ Клугеномъ, и прожилъ время, остававшееся до освобожденія, на квартирѣ у какого-то пьянаго мѣщанина Голяшкина, ухаживалъ за дочками его, и выучился у бабушки разнымъ неблагопристойнымъ, разбойничьимъ пѣснямъ, которыя въ послѣдствіи распѣвалъ встати и нектати.

Въ Финляндіи служилъ онъ до окончанія войны, и потомъ стоялъ съ своимъ полкомъ въ Ревелѣ. Во время этой войны удалось ему сдѣлать доброе дѣло. Извѣстно, что самыми рыаными и злыми врагами русскихъ были въ то время финскіе пасторы: они истребляли наши отряды, перехватывали переписку, отбивали обозы и оружіе, словомъ, дѣйствовали какъ партизаны. Особенно одинъ сельскій пасторъ отличился проворствомъ и удалствомъ: схватилъ нѣсколько русскихъ офицеровъ, и выдалъ шведамъ, укрывавшимся въ его домѣ. Начальникъ дѣйствовавшаго въ этой странѣ русскаго отряда послалъ въ домъ пастора отрядъ драгунъ, подъ командою офицера, и этотъ офицеръ былъ Булгаринъ. Онъ сдѣлалъ быстрый набѣгъ на село, и окружилъ церковный домъ. Жена пастора укрывала мужа. Булгаринъ, замѣтивъ гдѣ спрятался несчастный, объявилъ, что возьметъ его силою. Жена и дѣти бросились къ ногамъ его и умоляли о пощадѣ. Булгаринъ сжалился, представился будто

не видитъ исхода, оставилъ домъ и село, и явился въ начальнику съ донесеніемъ: не нашелъ! Командиръ побранилъ его за оплошность, но, можетъ быть, самъ былъ радъ, что освободился отъ необходимости казнить человѣка, который полагалъ, что дѣйствуетъ по закону и по долгу. Это происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Финляндіи и въ Швеціи. По заключеніи мира, явилась въ Стокгольмѣ гравюра съ изображеніемъ этого случая и съ надписью: «Великодушіе русскаго офицера». Въ бытность Булгарина въ Швеціи (въ 1838 г.) пригласилъ его къ обѣду одинъ почтенный и богатый человѣкъ. Гостей было множество. Булгаринъ, сѣвши за столъ, увидѣлъ предъ собою гравированную картину. Всѣ пили съ восторгомъ за его здоровье.

Этотъ анекдотъ слышалъ я отъ Булгарина и отъ нѣкоторыхъ финляндцевъ.

IV.

Въ Ревелѣ Булгаринъ привелъ въ исполненіе свой давнишній замыселъ. Вышедши въ отставку (а можетъ быть, состоя еще на службѣ), онъ выѣхалъ оттуда съ однимъ французомъ, графомъ де-Кенсона (Quinsonnat), посѣтилъ свою мать на пути, прибылъ въ Варшаву, и вступилъ въ одинъ сформированный французами уланскій полкъ рядовымъ, какъ мнѣ свазывалъ съ негодованіемъ двоюродный братъ его, графъ Тиманъ, служившій Россіи честно и усердно въ гусарахъ до генеральскаго чина, и ненавидѣвшій польскую ойчизну. Впрочемъ нельзя свазать, чтобы Булгаринъ бѣжалъ или передался непріятелю. Россія была тогда съ Франціею въ дружбѣ и въ союзѣ. Булгаринъ былъ полякъ (un polonais sujet mixte), слѣдственно переходъ его не былъ ни бѣгствомъ, ни измѣною. Объ этомъ свазу нѣсколько словъ ниже. Но благородные товарищи Булгарина, подобные графу Тиману, не могли простить ему этой эсканады, и отзывались о его поступкѣ откровенно. Изъ Варшавы былъ онъ отправленъ къ полку въ Испанію, но о жизни и о службѣ его тамъ я ничего не знаю. Въ 1812 году находился онъ въ корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшаго въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи противъ графа Витгенштейна.

Онъ разсказывалъ, что однажды напросился участвовать въ разнѣнѣ плѣнныхъ, былъ онъ въ русскомъ авангардѣ, видѣлъ нѣкоторыхъ старыхъ товарищей, но не былъ ими узнанъ, и не

старался о томъ; только послалъ поклонны нѣсколькимъ знакомцамъ съ русскимъ вахмистромъ, провожавшимъ французскихъ парламентаровъ. Но дѣйствительно-ли это было такъ, не могу сказать. Булгаринъ, какъ и всѣмъ извѣстно, былъ большой сочинитель. Короткимъ друзьямъ своимъ изъ либераловъ повѣрялъ онъ за тайну, что на переправѣ Наполеона чрезъ Березину при Студяньѣ (деревнѣ, будто бы принадлежавшей его матери), онъ былъ однимъ изъ тѣхъ польскихъ уланъ, которые по рыхлому льду провели лошадь, несшую полузамерзшаго императора французовъ.

Въ 1813 году онъ участвовалъ въ сраженіи при Бауценѣ. Это достоверно. На одномъ вечерѣ, не помню у кого именно, Булгаринъ бесѣдовалъ объ этой битвѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который въ ней былъ дѣйствующимъ лицомъ съ русской стороны, адъютантомъ князя Репнина. Булгаринъ описалъ это сраженіе въ статьѣ своей: «Знакомство съ Наполеономъ», напечатанной въ собраніи его сочиненій. Въ послѣдствіи былъ онъ въ сраженіи при Кульмѣ, въ эскадронѣ польскихъ уланъ, которой пробился сквозь корпусъ прусскаго генерала Клейста. Въ кампанію 1814 года, во Франціи, былъ онъ взятъ въ плѣнъ прусскимъ партизаномъ Коломбомъ и отправленъ въ Пруссію. Тогда случилось съ нимъ происшествіе, о которомъ онъ не любилъ говорить. Служившій тогда въ одномъ изъ вираирскихъ полковъ гвардіи, товарищъ Булгарина по кадетскому корпусу, полковникъ Петръ Ивановичъ Кошкуль, ѣдучи впереди своего эскадрона (на пути во Францію, близъ береговъ Рейна) встрѣтивъ нѣсколькихъ французскихъ плѣнныхъ, которыхъ везли въ Пруссію на телѣжкахъ, не обратилъ вниманія на это зрѣлище, повторявшееся довольно часто. Когда фура проѣхала шаговъ на сто, одинъ вахмистръ подсказалъ къ Кошкюлю и сказалъ ему:

«Ваше высокоблагородіе! одинъ плѣнный французъ приказалъ вамъ поклониться».

— «Какой французъ? гдѣ?»

«Вонъ, тамъ на возу, ваше высокоблагородіе».

— «Да какъ ты его понялъ?»

«Онъ говоритъ по-русски, какъ вы и я».

Кошкуль припширилъ воя, и подсказалъ еъ указанному возу.

— «Кто говорить здѣсь по-русски?»

Одинъ уланскій офицеръ соскочилъ съ возу, и закрывъ лице руками, сказалъ:

— «Мнѣ совѣстно смотрѣть на тебя, Кошкуль! Я Булгаринъ».

— «Булгаринъ!» воскликнулъ честный Кошкуль въ изумленіи: «это ты? Какъ тебѣ не стыдно говорить со мною, п.....!»

— «Теперь не до морали!» возразилъ Булгаринъ: «я въ крайности; ѣсть нечего. Дай мнѣ взаймы, заплачу, какъ честный человѣкъ».

Кошкуль бросилъ ему нѣсколько червонцевъ, и ускакалъ. Жестоко, но справедливо.

Самъ Булгаринъ сначала рассказывалъ объ этомъ случаѣ, но потомъ утверждалъ, что это неправда, что Кошкуль, на старости лѣтъ, не помнилъ, какъ были дѣла, и выдумывалъ небывлицы. Нѣтъ, Кошкуль былъ человѣкъ благородный и правдивый, и очень хорошо помнилъ, что говорить.

Заслужилъ-ли Булгаринъ такую встрѣчу со стороны своего школьнаго товарища и бывшаго сослуживца? Заслужилъ и не заслужилъ, съ которой стороны взглянешъ на дѣло. Заслужилъ по суду совѣсти и по общему закону чести: онъ былъ русскимъ подданнымъ и дворяниномъ, воспитанъ въ казенномъ заведеніи на счетъ правительства, носилъ гвардейскій мундиръ, и перешелъ подъ знамена непріятельскія. Съ другой стороны онъ былъ полякъ, и въ этомъ заключается все его оправданіе. У поляковъ своя логика, своя математика..... Наносить всевозможный вредъ своему врагу, нападать на него всѣми средствами, пользоваться всѣми возможными случайностями, чтобъ надоѣсть ему, оскорблять его правдой и неправдой, и утѣшаться мыслию, что цѣль оправдываетъ средства..... Булгаринъ оправдывается тѣмъ, что онъ передался французамъ въ то время (1810), когда, какъ выше сказано, Франція была съ Россією въ дружбѣ и въ союзѣ; но что мѣшало ему, при началѣ войны 1812 года, не перейти обратно въ русскую службу, а удалиться куда нибудь и остаться нейтральнымъ? Это совѣтовалъ ему не только законъ чести, но

и годось благоразумія. Отъ этой измѣны покрылъ онъ себя безславіемъ, и не могъ добиться уваженія ни у которой партіи.

Плѣнныхъ привели или, какъ говорятъ, пригнали въ Россію.

V.

Вдругъ прекратилась война взятіемъ Парижа и низложеніемъ Наполеона: плѣнныхъ размѣняли, и полякамъ объявили безусловную амнистію. Булгаринъ, съ другими освобожденными поляками, явился въ Варшавѣ къ цесаревичу. Константинъ Павловичъ принялъ его ласково, и указавъ на прежнихъ товарищей его—Жандра, Албрехта и пр. въ звѣздахъ и лентахъ, сказалъ:

— «И ты былъ бы теперь генераломъ, если-бъ остался у меня».

Булгаринъ отвѣчалъ: «Ваше Высочество я служилъ моему отечеству».

— «Хорошо! хорошо!» возразилъ великій князь: «теперь послужи мнѣ!»

Онъ предлагалъ воротившемуся патриоту любое комендантское мѣсто въ Царствѣ Польскомъ, но Булгаринъ отказался, объявивъ, что долженъ ѣхать къ матери, и привести въ порядокъ разстроенное свое имѣніе.

Онъ дѣйствительно любилъ и уважалъ свою мать, и когда, бывало, хотѣлъ поддержать какую нибудь колоссальную ложь, то влялся, при ея жизни, сѣдинами матери, а по смерти, ея тѣнью. Онъ свидѣлся съ нею, но имѣнія не нашель, потому, вѣроятно, что его и не бывало. Между тѣмъ возобновилъ онъ знакомство съ своими родственниками. Дядя его, Павелъ Булгаринъ, бывший литовскимъ подполковникомъ (этотъ чинъ былъ въ большомъ уваженіи въ Польшѣ), полюбивъ Фаддея за живой характеръ, за умъ и находчивость, поручилъ ему вести процессъ его съ родственникомъ графомъ Тышкевичемъ и Парчевскимъ, или собственно два процесса: одинъ съ Парчевскимъ противъ Тышкевича, другой съ Тышкевичемъ противъ Парчевскаго. Дѣло шло объ осьми тысячахъ душъ. Булгарину за ходатайство обѣщано было пять процентовъ, т.-е. четыреста душъ. Процессъ производился въ Сенатѣ, и новый ходатай отправился въ С.-Петербургъ. Здѣсь принять онъ былъ въ домѣ зятя своего Искрипкаго, и не знаю, какъ попалъ во французскій кругъ у генера-

ловъ Базена, Сенновера и пр., читалъ имъ свои сочиненія, которыя кто-то переводилъ для него на французскій языкъ.

Въ началѣ февраля 1820 года явился у меня въ кабинетѣ человекъ лѣтъ тридцати, тучный, широкоплечій, толстоносый, губанъ, порядочно одѣтый, и заговорилъ со мною по-французски: «Excusez, monsieur, si je vous dérange» ..

Замѣтивъ съ перваго слова, что ему трудно говорить по-французски, я прервалъ его рѣчь вопросомъ:

— «Говорите ли вы по-русски?»

— «Говорю-съ. Я полякъ».

— «Итакъ, къ чему толковать по-французски? Скажите мнѣ, пожалуйста, что вамъ угодно?»

Тогда объявилъ онъ мнѣ, что пришелъ по просьбѣ одного французскаго литератора г. Де-Сенъ-Мора, человека необыкновенно умнаго, ученаго и благороднаго, который намѣренъ читать лекціи о французской литературѣ.

— «Да какой онъ партіи?» спросилъ я: «кажется отъявленный роялистъ?»

— «Точно, самый ревностный приверженецъ законной династїи».

— «Какъ же онъ можетъ быть умнымъ человекомъ?» сказалъ я. «Умный легитимистъ въ нынѣшнее время не поѣдетъ изъ Франціи, чтобъ искать хлѣба за границею. Видно, онъ олухъ и не знаетъ что дѣлать, или такъ уменъ, что видитъ близкое паденіе своей партіи. Вообще въ нынѣшней Франціи умъ, знанія, дарованія на лѣвой сторонѣ».

Мой собесѣдникъ захохоталъ весело.

— «Такъ вотъ вы какой! А я думалъ, что вы ревнитель бурбоновъ и монархическаго начала».

Мы разговорились и познакомились. Это былъ Фаддей Булгаринъ.

Я былъ въ то время отъявленнымъ либераломъ, напятавшимся этого духа въ краткое время пребыванія моего во Франціи (въ 1817 г.). Да и кто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей былъ на сторонѣ реакціи? Всѣ тянули пѣсню конституціонную, въ которой запѣвалою былъ императоръ Александръ Павловичъ. Оппозиціи Аракчееву, Голицыну и всѣмъ этимъ темнымъ властямъ была тогда въ модѣ, была дѣломъ извѣстнымъ, славою и знаме-

немъ тогдашняго юнаго поколѣнія. Самымъ либеральнымъ журналомъ была «Сѣверная Почта», выходившая подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Семеновская исторія еще не навлекала мрачныхъ тучъ на горизонтѣ свѣтлыхъ идей и мечтаній. Революціи греческая, а потомъ испанская и итальянская, встрѣчали въ Россіи, какъ и вездѣ, ревностныхъ друзей и поборниковъ. Булгаринъ, какъ щирый полякъ, не могъ не раздѣлять этого движенія умовъ. Въ моемъ домѣ онъ узналъ Бестужевыхъ, Рылѣева, Грибоѣдова, Батенкова, Тургеневыхъ и пр.—цвѣтъ умной молодежи! Нѣсколько разъ долженъ я напоминать, что Булгаринъ былъ въ то время отнюдь не тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался въ послѣдствіи: былъ малый умный, любезный, веселый, гостепріимный, способный къ дружбѣ, и искавшій дружбы людей порядочныхъ. Между тѣмъ, по національной природѣ своей, онъ не пренебрегалъ знакомствомъ и милостію людей знатныхъ и особенно сильныхъ. Умѣлъ сойтись и съ гнуснымъ Магницкимъ, и съ сумасброднымъ Руничемъ, и съ глупымъ Кавелинымъ; познакомился съ лицами, окружавшими Аракчеева, пролезъ и къ нему самому. До 1823 года онъ литературою занимался мало, посвящая все свое время, всю свою дѣятельность веденію своего процесса. И мнѣ кажется, что занятія этимъ процесомъ, сопряженные съ уловками и продѣлками, которыя не всегда оправдываются законами чести и долга, имѣли вредное вліяніе на развитіе его понятій и характера. Для достиженія своей цѣли онъ употреблялъ всѣ возможные средства: съ утра до вечера таскался по сенаторскимъ и оберъ-прокурорскимъ переднимъ, навѣщалъ секретарей и стряпчихъ, кормилъ и подкупалъ ихъ, привозилъ игрушки и лакомства ихъ дѣтямъ, подарки женамъ и любовницамъ. Польская натура нашла въ этихъ маневрахъ обильную пищу своей низкоповлонности, лести, хвастовству и хлѣбосольству съ опредѣленною цѣлью. Эти подвиги, оправдываемые свойствомъ его занятій, произвели въ его умѣ смѣшанную теорію правилъ войны, сутажничества и литературы. Потерявъ возможность продолжать съ успѣхомъ военную службу, онъ пошелъ въ стряпчіе; видя что можно приобрести литературою извѣстность, а съ нею и состояніе, онъ наконецъ взялся за нее, руководствуясь на каждомъ изъ сихъ поприщъ правилами—достигнуть цѣли жизни, т. е. удовлетворенія тщесла-

вію и любостязанію. Эта теорія не мѣшала ему притомъ быть человѣкомъ не злымъ, добрымъ, сострадательнымъ, благотворительнымъ, и, въ минуту порыва, готовымъ на пожертваніе. Онъ почиталъ и уважалъ добрыя стороны въ людяхъ, даже тѣ, которыхъ самъ не имѣлъ. Такимъ образомъ постигъ онъ всю благость, все величіе души Грибоѣдова, подружился съ нимъ, былъ ему искренно вѣренъ до конца жизни, но не знаю, осталась ли бы эта дружба въ своей силѣ, если бы Грибоѣдовъ вздумалъ издавать журналъ, и тѣмъ сталъ угрожать «Пчелѣ», то есть увеличенію числа ея подписчиковъ. Признаюсь, если бы я зналъ, каковъ Булгаринъ дѣйствительно, то есть какимъ онъ сдѣлался въ старости, я ни за что не вошелъ бы съ нимъ въ союзъ. Но эти порывы мнѣ казались простыми вспышками вѣтрянаго самолюбія. Я не видѣлъ, что въ этомъ скрывалась только исключительная жадность къ деньгамъ, имѣвшая цѣлю не столько накопленіе богатства, сколько удовлетвореніе тщеславію. Фридрихъ II сказаль однажды о полявахъ: «нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ полякъ, чтобъ добыть сто червонцевъ, которые онъ потомъ выбросить за окно». Къ тому должно еще прибавить, что человѣкъ можетъ исправиться отъ тѣхъ привычекъ и слабостей, которыя привились къ нему отъ ложнаго воспитанія, отъ дурныхъ обществъ и примѣровъ, и т. п., но врожденныя свойства его, и хорошія и дурныя, съ годами крѣпнущъ и возрастаютъ. Такъ было и съ Булгаринимъ: въ молодости онъ былъ любезенъ, остеръ, добродушенъ, обходителенъ; эти качества исчезали въ немъ съ каждымъ годомъ, и съ каждымъ годомъ увеличивалось въ немъ чувство зависти, жадности и своекорыстія, заглушая добрыя его свойства.

Я приписываю странности и причуды Булгарина его воспитанію, обстановкѣ и послѣдовавшимъ обстоятельствамъ его жизни; но въ самой основѣ его характера было что-то невольное дикое и звѣрское. Иногда, вдругъ, ни съ чего или по самому ничтожному поводу онъ впадалъ въ какое-то изступленіе, сердился, бранился, обижалъ встрѣчнаго и поперечнаго, доходилъ до бѣшенства. Когда бывало такое изступленіе овладѣетъ имъ, онъ пустить себѣ кровь, ослабнетъ, и потомъ войдетъ въ нормальное состояніе. Во время такихъ припадековъ, онъ дѣйствительно казался сумасшедшимъ и бѣшенымъ, и было бы несправедливо винить

его за то: это были припадки болѣзни крови, уступавшіе механическимъ средствамъ, т. е. кровопусканію. Когда я убѣдился въ выраженіи недружелюбія, зависти и злобы въ Булгаринѣ, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но отъ нея зависѣло благосостояніе моего семейства. Я сносилъ съ терпѣніемъ всё его причуды, подозрѣнія и оскорбленія, но нерѣдко выходилъ изъ терпѣнія: такъ, въ 1853 году не могъ не возстать противъ него всенародно въ слѣдствіе его жалкаго и подлаго идолопоклонства Контскимъ. Потомъ поступилъ онъ со мною безчестно, и открылъ всю глубину своей души. Между тѣмъ онъ впалъ въ болѣзнь, и я не могъ ничего сдѣлать.

Въ то время, какъ я познакомился съ Булгаринимъ, онъ не довѣрялъ еще своему искусству владѣть русскимъ языкомъ въ литературномъ отношеніи, писалъ дѣловыя бумаги при помощи подъячихъ, и очень искусно, что видно изъ выиграннаго имъ процесса своего дяди.

VI.

Между тѣмъ хотѣлось ему заработать что нибудь литературною работою. Онъ вздумалъ издать «Оды Горация» съ комментаріями Ежескаго и другихъ критиковъ, но самъ онъ зналъ полатыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая-нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. Ежескій и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ замѣчаній, но Булгаринъ оправдался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ своемъ предисловіи. Въ то время втерся онъ къ Магницкому и Руничу, и старался, при ихъ помощи, ввести эту книгу въ училища, но объщанія ихъ ограничились словами. Книга не раскупалась, и Булгаринъ рѣшился пожертвовать ее въ пользу училищъ.

Въ намѣреніи упрочить свое существованіе литературными трудами, онъ обратился къ русской и славянской исторіи. Набралъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ, сталъ онъ издавать «Сѣверный Архивъ» (1826), печаталъ въ немъ статьи интересныя, но впадалъ въ страшные промахи, особенно по недостаточному знанію иностранныхъ языковъ, коверкалъ имена собственныхъ, смѣшивалъ событія, и еслибы издавалъ теперь, то не избѣжалъ-бы обличеній и насмѣшекъ, но въ тѣ блаженные времена, когда

печатный каждый листъ казался намъ святымъ, и не то сходило съ рукъ.

Желая придать сухому журналу болѣе интереса для читающей публики, Булгаринъ вздумалъ издавать при немъ особые листки, подъ заглавіемъ «Волшебный фонарь», и тутъ попалъ въ свою колею. Небольшія, вообще сатирическія картины нравовъ и историческіе очерки, понравились публикѣ, и поощрили его усердіе. Занявшись легкою литературою, онъ оставилъ ученую, для которой не имѣлъ ни основательныхъ познаній, ни особеннаго дарованія. Я помогаль ему усердно, особенно сглаживая слогъ, который отзывался полонисмами и галлицизмами. Въ 1824 году разразилась надо мною катастрофа Госнера. Канкринъ хотѣлъ предъ тѣмъ взять меня на службу въ Министерство Финансовъ, но узнавъ, что я преданъ суду, отложилъ это до моего оправданія. Тогда затѣяли мы съ Булгаринымъ изданіе «Сѣверной Пчелы», не превращая ни «Сына Отечества», ни «Архива». Позволеніе министра просвѣщенія получили мы безъ труда. Булгаринъ былъ знакомъ съ бывшею потомъ женою Шишкова Лобаршевскою, и чрезъ нее втерся къ старику. Онъ даже называлъ и считалъ себя ея родственникомъ, доколѣ Шишовъ былъ министромъ. При началіи «Сѣверной Пчелы» (въ январѣ 1825 г.) я уже вытрезвился отъ либеральныхъ идей волею и неволею, и удерживалъ сарматскіе порывы Булгарина. За это ему доставалось отъ либераловъ. Рылѣевъ, раздраженный вѣрно-подданическими выходками газеты, сказалъ однажды Булгарину:

— «Когда случится революція, мы тебѣ на «Сѣверной Пчелѣ» голову отрубимъ».

Особенно образумила меня Семеновская исторія, доказавъ мнѣ, что можно попасть въ бѣду безъ всякой вины. Булгаринъ, до испытанія силъ своихъ въ мелкой литературѣ, вздумалъ заниматься преимущественно русскою исторіею, и выбралъ для этого періодъ самозванцевъ, при которомъ могъ пользоваться польскими источниками. Героинею его была Марина Мнишекъ.

Въ маѣ 1823 года происходило публичное чтеніе Общества соревнователей просвѣщенія и благотворительности. По болѣзни президента, О. Н. Глинки, предсѣдательствовалъ я, какъ вице-президентъ. Читаны были отрывки изъ біографіи фонъ-Визина — кн. Вяземскаго, стихи Василія Ив. Туманскаго и т. п., и,

между прочимъ, отрывки изъ «Біографіи Марини Мнишекъ» Булгарина. Статья была слабая, плохо написанная: онъ не читалъ ее, а мямлилъ, и паденіе ея было совершенное. Это разсердило Булгарина, и отвадило на нѣсколько лѣтъ отъ русской исторіи, которую онъ было считалъ игрушкою.

VII.

При успѣхѣ своихъ повѣстей и мелкихъ статей, задумалъ онъ своего «Ивана Ивановича Выжигина», писалъ его долго, рачительно, и имѣлъ въ немъ большой успѣхъ. Года въ два разошлось до семи тысячъ экземпляровъ. Романъ этотъ нынѣ забытъ, и находится въ пренебреженіи, котораго не заслужилъ. Должно вспомнить, что онъ былъ, по времени, первымъ русскимъ романомъ, и что имъ началась обличительная наша литература. Многіе черты и характеры схвачены въ немъ удачно и умно. Видя успѣхъ «Ивана Выжигина», книгопродавецъ Алексѣй Заикинъ заказалъ Булгарину «Петра Выжигина», который былъ несравненно слабѣе, и не принесъ выгоды. Алексѣй Заикинъ умеръ въ холеру 1831 года, не дождавшись окончанія изданія романа.

«Дмитрій Самозванецъ», по мнѣ, еще слабѣе, особенно тѣмъ, что авторъ берется изображать чувства любви и нѣжности. Онъ зналъ любовь и зналъ на практикѣ, но не ту, которую описываютъ въ романахъ.

Въ 1836 году затѣялъ онъ большую спекуляцію, сочиненіе книги: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Сотрудникомъ ему былъ профессоръ Н. А. Ивановъ (сперва бывшій въ Дерптѣ, а потомъ въ Казани). Трагикомическая судьба этого изданія описана мною въ статьѣ объ энциклопедическомъ лексиконѣ.

Последнимъ большимъ предпріятіемъ Булгарина были его «Воспоминанія» или «Записки». Въ нихъ много забавнаго, интереснаго, но — правду ли онъ писалъ? Не всегда. Я не думаю, чтобъ онъ лгалъ умышленно, но онъ украшалъ событія, и непрерывно рассказывая ихъ устно, самъ привыкалъ вѣрить, что они случались точно такъ, какъ онъ рассказываетъ. Многое, напримѣръ, что онъ говоритъ обо мнѣ, случилось не такъ какъ онъ пишетъ. Иное прибавлялъ онъ съ расчетомъ и какъ гово-

рять нынѣ съ заднею мыслію. Такъ я спросилъ у него однажды, на что онъ въ одномъ изъ томовъ записокъ приплетъ исторію о подвигахъ Наполеона I въ Байоннѣ въ 1808 году: они вовсе не идутъ къ дѣлу. Онъ признался мнѣ, что внесъ этотъ эпизодъ, чтобы сказать о прибытіи въ Байонну графа А. И. Чернышева куріеромъ отъ императора Александра Павловича, и угодить тѣмъ графу, котораго просилъ о переводѣ свояка его, полковника Руднева, въ гвардейскій генеральный штабъ!

Все штуки, все продѣлки, все интриги! А у него былъ такой самородный талантъ, что онъ могъ бы обойтись и безъ этихъ средствъ! Онъ писалъ съ большою легкостью, что называется съ плеча, но легкомысліе его было еще больше. Никогда, бывало, не справится съ источникомъ или дѣйствительностью какаго либо случая, а пишетъ какъ въ голову придетъ. Такимъ образомъ онъ бросился однажды на нѣмцевъ за то, что они употребляютъ слово *luxurios*, слово неблагопристойное. Со всѣмъ нѣтъ, по-нѣмецки оно значить просто роскошный, и происходитъ отнюдь не отъ французскаго *luxure*. Въ другой разъ онъ вздумалъ утверждать, что нѣмецкій писатель Геллертъ жилъ девять лѣтъ въ Россіи, всегда любилъ ее, и вспоминалъ о ней съ удовольствіемъ. Геллертъ же не выѣзжалъ изъ Лейпцига. Булгаринъ вѣроятно смѣшалъ его съ Гердеромъ. Говорю о промахахъ, которые проскользнули въ печати, а сколько исключено и исправлено было въ рукописяхъ! Онъ зналъ русскій языкъ хорошо, но былъ очень слабъ въ грамматикѣ, и, напримѣръ, никакъ не могъ различить падежей мѣстоименія: ея и ее, всегда писалъ: онъ любить ея. И латыни доставалось подъ перомъ его, хотя онъ очень любилъ латинскія цитаты. Такъ, вмѣсто: *sine qua non*, онъ писалъ: *si non qua non*, и любилъ вставлять латинскія слова для объясненія русскихъ терминовъ, какъ-то снимковъ (*fac-simile*) и т. п.

Не могу исчислить всѣхъ его изданій *): Экономъ и пр., которыя онъ предпринималъ съ экономическимъ расчетомъ.

Между тѣмъ, свазу прямо: онъ не заслуживалъ той брани, тѣхъ клеветъ, которыми его осыпали при жизни и осыпаютъ по смерти. Главное тому причиною было, что онъ ни съ кѣмъ

*) За этимъ словомъ въ рукописи оставлено мѣста почти на строку и на полъ рукою Н. И. Греча выставленъ знакъ вопроса.

не умѣлъ ужиться, былъ очень подозрителенъ и щекотливъ, и при первомъ словѣ, при первомъ намекѣ, бросался на того, кто казался ему противникомъ, со всею силою злобы и мщенія. Такъ, напримѣръ, произошла его вражда съ Н. А. Полевымъ, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Полевой началъ свой «Телеграфъ» въ одно время съ «Пчелою». Ужь этого было бы довольно, но онъ дерзнулъ упомянуть въ своемъ объявленіи, что странно отвергать переводы въ журналахъ, а Булгаринъ именно говорилъ объ этомъ въ одной изъ своихъ программъ. Вотъ и загорѣлась война. Признаюсь теперь, по истеченіи пятидесяти (?) лѣтъ, что я могъ бы въ то время остановить Булгарина, но меня забавляла эта брань, къ тому же я былъ товарищемъ Булгарина, и считалъ обязанностью помогать ему въ оборонѣ; да и высокоумный и заносчивый Полевой самъ подавалъ къ тому поводъ. Въ 1827 году сошлись мы съ Полевымъ на обѣдѣ у П. П. Свинына, объяснились, и съ тѣхъ поръ оставались друзьями, но съ Булгаринимъ не обходилось безъ вспышекъ.

VIII.

Всего болѣе повредилъ Булгарину разрывъ его съ благородною партіею нашей литературы: Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Первый поводъ къ тому подалъ Воейковъ своими переносами, сплетнями, клеветами. Въ его біографіи сказано о томъ подробно.

Между тѣмъ все могло обойтись безъ явной войны, и дѣйствительно нѣсколько лѣтъ продолжалась перепалка, но большею частью холостыми зарядами. Въ статьѣ объ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» говорилъ я о спорѣ, поднятомъ Булгаринимъ по поводу объявленія его о числѣ подписчиковъ на «Инвалида» и на «Сына Отечества». Съ тѣхъ поръ господствовала на полѣ бранномъ тишина, но война разразилась вновь въ 1829, и поводомъ къ ней было увольненіе отъ «Пчелы» одного сотрудника. Должно замѣтить, что мы съ Булгаринимъ имѣли по «Пчелѣ» разныхъ сотрудниковъ. Мои, по переводамъ и выпискамъ изъ иностранныхъ газетъ, работали лѣтъ по десяти и болѣе. Со всѣми разстался я дружелюбно, и остался въ добрыхъ съ ними

сношеніяхъ *). Булгаринъ бралъ и отставлялъ, привлекалъ и выгонялъ своихъ сотрудниковъ непрерывно, и обыкновенно оканчивалъ дѣло съ ними громкимъ разрывомъ, сопровождавшимся непримиримою враждою. Онъ трактовалъ ихъ, какъ польскій магнатъ трактуетъ служащихъ ему шляхтичей: то пируетъ, бутитъ, кахается съ ними, то—обижаетъ ихъ словесно и письменно, какъ наемниковъ, питающихся отъ крохъ его трапезы. Въ числѣ этихъ несчастныхъ илотовъ былъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ, учившійся въ Харьковскомъ Университетѣ. Онъ зналъ французскій и итальянскій языки, и очень хорошо писалъ по-русски; переводилъ умно и толково, и рачительно исполнялъ всю мелкую работу по газетѣ. Нрава былъ онъ добраго и кроткаго, человѣкъ честный и благородный, но совершенно недостаточный. По сотрудничеству въ «Ицелѣ» получалъ онъ по четыре тысячи рублей асс. въ годъ за составленіе фельетоновъ, смѣси, объявленій о книгахъ, съ короткимъ обсужденіемъ ихъ и т. д. Онъ работалъ у насъ года два. Вдругъ, въ концѣ 1829 года, Булгаринъ за что-то прогнѣвался на него и завопилъ:

— «Вонъ Сомыча! вонъ его!» и дѣйствительно объявилъ ему отставку.

Лишенный такимъ образомъ средствъ къ существованію — Сомовъ предложилъ свои услуги барону Дельвигу, который задумалъ издавать «Литературную Газету», но по лѣности и безпечности своей и по непривычѣ въ мелочамъ редакціи, охотно принялъ его предложеніе. Вотъ Булгаринъ и струсиль, видя, что на него поднимается невзгода. Встрѣтясь съ Сомовымъ, въ декабрѣ 1829 г., на Невскомъ проспектѣ, спрашиваетъ:

— «Правда ли, Сомычъ, что ты присталъ къ Дельвигу?»

«Правда!»

— «И вы будете меня ругать?»

«Держись!»

Это слово, какъ искра, взорвало подкопъ въ сердцѣ и въ головѣ Оаддея. Воротившись домой, онъ сѣлъ за письменный столъ и написалъ статью на объявленіе о «Литературной Газетѣ», сталъ бранить и унижать ее до выхода перваго ну-

*) Моими сотрудниками были: Н. И. Юханцовъ (нынѣ д. ст. сов. по министерству финансовъ), И. Я. фонъ Фокъ (то же), Е. К. Рашетъ (тайн. сов.), П. И. Безакъ (нынѣ генер.-маіоръ), А. Н. Очевинъ (ст. сов.). Н. Г.

мера. Но этого было для него недовольно. Узнавъ, что Пушкинъ намѣренъ помогать Дельвигу своимъ содѣйствіемъ, онъ еще болѣе испугался, и не дожидаясь перваго выстрѣла съ непріятельской батареи, самъ началъ атаку, не противъ Пушкина-писателя, а противъ Пушкина-человѣка. Въ фельетонѣ № 30 Сѣв. Пчелы (1830), выставивъ будто бы изъ англійскихъ журналовъ двухъ французскихъ писателей, говоритъ объ одномъ: «онъ природный французъ, служащій усердіемъ Бахусу и Плутусу, не жели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце холодное и нѣмое, существо какъ устрица, а голова родъ побрякушки, наполненной гремучими приемами, гдѣ не зародилась ни одна идея, который, подобно изступленнымъ въ баснѣ Пильная, бросающимъ камни въ небеса, бросаетъ приемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобы позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ». Въ то время Пушкинъ дѣйствительно старался о полученіи званія камеръ-юнкера, единственно для того, чтобы возить свою красавицу-жену ко двору и въ большой свѣтъ. Слова фельетона задѣли его за живое, но напрасно онъ сердился: этихъ намсковъ никто не думалъ примѣнять къ нему: никто, кромѣ особъ, приближенныхъ къ нему, не зналъ о его домогательствахъ, и я самъ, еслибъ мнѣ растолковали, что въ этой карриатурѣ Булгаринъ хотѣлъ изобразить Пушкина, никакъ не согласился бы на помѣщеніе ее въ «Пчелѣ». Бѣдный Пушкинъ! Онъ не догадывался, что Булгаринъ, какъ зловѣщій воронъ, проваркнулъ ему о бѣдственной судьбѣ, которая ожидала его на паркетѣ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ погибъ вслѣдствіе досады придворныхъ дураковъ на то, что среди ихъ явился человѣкъ умный и гениальный. Какого-нибудь Баркова или Пельчинскаго терпѣли равнодушно. Посрединокъ Пушкина произошелъ отъ интригъ нѣкоторыхъ сверстниковъ его по двору *).

*) Въ послѣдствіи узналъ я, что подкидныя письма, причинившія поединокъ, писаны были княземъ Ив. Сер. Гагаринымъ, съ намѣреніемъ подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исходъ дѣла поразилъ князя до того, что онъ разстроился въ умѣ, уѣхалъ въ чужіе края, принявъ католическую вѣру и поступилъ въ орденъ іезуитовъ. Въ пребываніе мое въ Парижѣ (1845—47) былъ онъ послушникомъ монастыря въ Монружѣ, и исправлялъ самыя унизи-

вѣй выстрѣлъ его не отозвался въ обществѣ, зарядилъ свое ружье вторично.

Однажды, кажется у А. Н. Оленина, Уваровъ, не любившій Пушкина, гордаго и не низкопоклоннаго, сказалъ о немъ: «что онъ хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продали въ Кронштадтѣ (Петру Великому) за бутылку рома!» Булгаринъ, услышавъ это, не преминулъ воспользоваться случаемъ, и повторилъ въ «Сѣверной Пчелѣ» этотъ отзывъ *).

Эта оскорбительная выходка, не вызванная Пушкинымъ, озлобила его на Булгарина, и возбудила негодование во всѣхъ литераторахъ, любившихъ первостепеннаго нашего поэта. Она и была причиною той ненависти, той злобы, которую питали и питаютъ къ Булгарину бѣльшая часть нашихъ писателей.

На меня Пушкинъ дулся не долго. Онъ вскорѣ убѣдился въ моей неприкосновенности къ штукамъ Булгарина, и какъ казались, старался сблизиться со мною. Мы разъ какъ-то встрѣтились въ книжномъ магазинѣ Белизара (нынѣ Дюфура). Онъ поклонился мнѣ неловко и принужденно; я подошелъ къ нему, и сказалъ улыбаясь:

«Ну на что это походить, что мы дуемся другъ на друга? Точно Б..... Федоровъ съ Орестомъ Сомовымъ».

Онъ расхохотался и сказалъ: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда онъ былъ доволенъ чѣмъ-нибудь). Мы подали другъ другу руку, и миръ былъ восстановленъ.

Въ концѣ 1831 года, вознамѣрившись издавать «Современникъ», онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и предлагалъ мнѣ участіе въ новомъ журналѣ.

Я отвѣчалъ, что принялъ бы его предложеніе съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ не знаю, какъ освободиться отъ моего польскаго

Пушкинъ самъ сознался, что это невозможно, и прибавилъ смѣючись: «Да нельзя ли какъ-нибудь убить его?»

тельныя работы, потомъ въ іезуитскомъ домѣ (la rue des Postes) училъ грамотѣ нищихъ мальчишекъ. Въ послѣдствіи, кажется, повышенъ былъ въ чинѣ.

Прим. Н. И. Греча.

*) Снѣтъ объясняются стихи Пушкина: Моя родословная (см. Пушкина 469) буквы В. Ф. значить: Видокъ Фигляринъ, какъ называетъ Пушкинъ Булгарина.

Н. Г.

У меня стало бы довольно досуга на это занятіе, но Булгаринъ преогорчилъ бы жизнь мою, если бы увидѣлъ, что журналъ Пушкина, при моемъ содѣйствіи, идетъ не худо, а «Пчелу» я не могъ оставить безъ совершеннаго себѣ разоренія.

IX.

Я не могу писать сплошь о похожденіяхъ и дѣйствіяхъ Булгарина, потому что они состоятъ изъ отдѣльныхъ явленій и подвиговъ. Расскажу нѣкоторые, лишь замѣчательные эпизоды. Въ числѣ ихъ важна исторія нашего ареста—30 января 1830 года.

Въ декабрѣ 1829 г. вышелъ «Юрій Милославскій», М. Н. Загоскина, и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе въ нашей публикѣ. Его читали вездѣ, и въ гостинныхъ и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при высочайшемъ дворѣ, и не удивительно: это былъ первый, по времени, истинно русскій романъ, не безошибочный, не совершенный, наполненный анахронизмами и несообразностями, историческими и грамматическими промахами, но оригинальный, написанный съ какинъ-то милымъ простодушіемъ, точно рассказъ доброй бабушки о былыхъ временахъ. Всѣ восхищались «Юріемъ», прощая его недостатки: досадовалъ и сердился на него одинъ—Булгаринъ, отпечатывавшій послѣдніе листы своего «Дмитрія Самовванца». Досада внушена ему была не авторскимъ самолюбіемъ, боявшимся превосходства своего соперника въ литературѣ, а боязнію за коммерческій успѣхъ своего новаго произведенія. Вотъ онъ и началъ нападать на Загоскина и его сочиненія. Самую жестокую статью (въ №№ 7 и 9 «Сѣв. Пчелы» 1830) написалъ, по усиленной просьбѣ Булгарина, нашъ сотрудникъ А. Н. Очкинъ. Грамматическіе и историческіе промахи замѣтилъ я; многогрѣшный. Дѣло обошлось бы безъ шума, если бы не вступился за Загоскина Воейковъ: онъ нещадно обругалъ и Булгарина и всѣхъ его сотрудниковъ, обвинивъ ихъ въ несправедливости и зависти.

Государь, которому понравился «Юрій Милославскій» до того, что онъ приблизилъ Загоскина къ своей особѣ, вознегодовалъ на эту перебранку, и велѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобъ онѣ прекратили бой. Бенкендорфъ передалъ приказаніе М. Я. фонъ-Фоку, а этотъ нѣжный, добрый человѣкъ смягчилъ выраженіе неудовольствія государева, объ-

явивъ Булгарину, что въ этихъ перебранкахъ не должно звать противниковъ по имени. «Слушаю-съ», отвѣчалъ Булгаринъ, сѣлъ и написалъ (напечатанную въ № 13 «Пчелы», 30 января) жаркую отповѣдь Воейкову, не назвавъ Загоскина. Въ этотъ день приѣхалъ я домой къ обѣду около четырехъ часовъ. Мнѣ подають конвертъ съ официальной надписью: «Его высородію Н. И. Гречу отъ генераль-адъютанта Бенкендорфа». Въ немъ нашелъ я официальное приглашеніе, за номеромъ, немедленно явиться къ шефу жандармовъ. Недоумѣвая, о чемъ идетъ дѣло, я отправился къ Бенкендорфу. Онъ встрѣтилъ меня съ важною официальной миною, и отдавая пакетъ на имя С.-Петербургскаго коменданта Башуцкаго, сказалъ:

— «Я говорилъ вамъ неоднократно, чтобъ вы прекратили ваши перебранки. Теперь терпите. Извольте ѣхать съ этою бумагою къ коменданту».

— «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, сказалъ я: когда вы мнѣ говорили?»

— «Не я самъ, а Максимъ Яковлевичъ отъ меня, именемъ государя».

— «Да не мнѣ лично».

— «Все равно, Булгарину или вамъ. Вы должны были бы его удерживать».

— «Позвольте», сказалъ я, «попросить васъ—пошлите адъютанта или когонибудь другаго ко мнѣ въ домъ съ объявленіемъ, что я остался обѣдать у васъ. Обо мнѣ будутъ беспокоиться. Домашніе мои Богъ знаетъ что подумаютъ, когда я не ворочусь».

— «Извольте», отвѣчалъ добрый Бенкендорфъ: «это будетъ исполнено; но вы теперь же извольте ѣхать».

Я повиновался, поѣхалъ въ зимній дворецъ, явился къ коменданту, подаль ему пакетъ. Башуцкій, привыкшій къ посланіямъ сего рода, не сказавъ мнѣ ни слова, сѣлъ за столъ, и началъ писать приказаніе о посаженіи меня на гауптвахту. Въ это самое время вошелъ Воейковъ. Я не видалъ его давно, и ужаснулся, взглянувъ на него теперь. Онъ вошелъ, сторбася и прихрамывая (онъ упалъ за нѣсколько мѣсяцевъ съ дрожью и хрипю ушибся), исхудалый, блѣдный, съ широкимъ чернымъ пластыремъ, покрывавшимъ носъ и часть щеки. Башуцкій, кон-

чивъ бумагу, сказалъ мнѣ: «извольте идти съ плацъ-адъютантомъ, на дворцовую гауптвахту».

— «Ваше высокопревосходительство», сказалъ я ему: «Я здоровъ и могу просидѣть въ какомъ угодно мѣстѣ. Потрудитесь, пожалуйста, посадить на дворцовую гауптвахту, сухую и теплую, г. Воейкова: вы видите, онъ слабъ и боленъ! Холодъ и сквозной вѣтеръ могутъ повредить ему».

— «Не беспокойтесь», отвѣчалъ комендантъ: «я и г. Воейкова посажу въ теплое мѣсто».

Воейковъ, изумленный моимъ предложеніемъ, бросился ко мнѣ на шею съ восклицаніемъ: «Ah, mon généreux ami, je vous reconnais à cette générosité!»

Я съ трудомъ удержалъ его отъ великодушнаго облобызванія меня, и пошелъ, по корридорамъ дворца, подъ присмотромъ плацъ-адъютанта. Не знаю, что обратило на себя мое вниманіе; я остановился и посмотрѣлъ въ сторону. Офицеръ, полагая, можетъ быть, что препровождаемый въ тюрьму государственный преступникъ высматриваетъ, какъ бы улізнуть, сказалъ мнѣ, впрочемъ, очень учтиво: «Не извольте останавливаться и смотрѣть по сторонамъ: вы нашъ!» Пришли на гауптвахту. Въ тотъ день былъ въ ней карауль отъ преображенскаго полка, лишь только воротившагося изъ турецкаго похода, и караульнымъ офицеромъ былъ штабсъ-капитанъ князь Несвицкій, съ которымъ видался я въ англійскомъ клубѣ. Прочитавъ бумагу, закричалъ онъ придворному лакею, нагрывавшему на столъ: «Еще приборъ!» и пригласилъ меня сѣсть. Тутъ же нашелъ я Александра Христіановича Граве и еще нѣсколько знакомыхъ офицеровъ. Сѣли за придворный столъ, очень хорошій, и усладились виномъ съ царскаго погреба. Въ пріятномъ обществѣ, выслушавшемъ со смѣхомъ исторію и поводъ моего заключенія, не видалъ я, какъ прошло время до вечера. Мнѣ дали въ распоряженіе вѣстового: я написалъ домой о моей катастрофѣ, и просилъ прислать мнѣ подушку и книгъ—именно *Les mémoires d'un homme d'État*. Пришелъ братъ мой, бывший тогда капитаномъ финляндскаго полка, и не могъ скрыть огорченія, что находить меня подъ арестомъ. Я успокоилъ его изложеніемъ всего дѣла: видно, онъ думалъ, что со мною сдѣлалось Богъ знаетъ что. Въ девять часовъ прибылъ дежурный по карауламъ пол-

ковникъ Константинъ Антоновичъ Шлишпенбахъ, и увидѣвъ меня арестантомъ, расхохотался, и въ ту же минуту вошелъ флигель-адъютантъ съ объявленіемъ: «Государь позволяетъ вамъ ѣхать домой». Признаюсь, мнѣ дѣнь была ѣхать: я было уже расположился провести ночь на диванѣ съ моею подушкою, читая мою книгу. Воротясь домой, гдѣ меня ожидали съ нетерпѣніемъ и страхомъ, я, входя въ комнату, запѣлъ арію изъ нѣмѣцкой оперы *die Schwestern von Prag*:

Wer niemals in der Wache war,
Kennt dies Vergnügen nicht.

На другой день пригласилъ меня къ себѣ Бенвендорфъ, обошелся со мною очень учтиво, обнялъ меня, и старался утѣшить и успокоить во вчерашней невзгодѣ. Я говорилъ съ нимъ, улыбаясь, и увѣрялъ, что ни мало не сѣтую на государя, потому что не заслужилъ его немилости.

«Неужели можно мнѣ сердиться на архитектора, когда съ его строенія упадетъ камень на голову! Мало ли чего бываетъ въ свѣтѣ!»

Этотъ оборотъ ему понравился, и онъ хвалилъ меня потомъ предъ другими за это равнодушіе, прибавляя: *c'est que c'est un homme d'esprit!*

Такъ дѣло съ моей стороны прекратилось. Въ послѣдствіи я узналъ, что А. А. Закревскій, у котораго я былъ на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ, услыхавъ о моемъ арестѣ, одѣлся, чтобъ ѣхать къ государю, и просить о моемъ освобожденіи, но остался, узнавъ, что я уже выпущенъ. И В. А. Жуковскій просилъ или собирался просить о томъ государя.

Воейкова комендантъ отправилъ въ старое адмиралтейство. Булгаринъ въ тотъ день обѣдалъ у И. В. Прокофьева въ большой компаніи. Лишь только онъ принялся за свѣжую икру, ему подали посланіе Бенвендорфа. Онъ взялъ конвертъ, понюхалъ, и сказалъ шутя сидѣвшему подлѣ него городскому главѣ Н. И. Кусову: «Не крѣпостью-ли пахнетъ? Я поѣду къ генералу, но ты, Николай Ивановичъ, береги мою икру. Ворочусь сейчасъ». Бенвендорфа не было дома, и Булгарину отдали бумагу къ коменданту. Башуцкій легъ отдохнуть послѣ обѣда, и Булгаринъ дожидался его, голодный, до семи часовъ. Тогда отправили и его въ теплое мѣстечко. Жена его, узнавъ, что мужъ

ея сидитъ въ адмиралтействѣ, отправилась въ старое, и спросила у входа: «гдѣ сидитъ подѣ арестомъ сочинитель, что книжки пишетъ?» Ей сказали: «здѣсь, сударыня, извольте войти!» Она входитъ въ комнату и попадаетъ въ объятія — Воейкова.

— «Какими судьбами Богъ принесъ васъ сюда, Елена Ивановна?»

— «Ахъ, это не тотъ!» отвѣчаетъ она со злобою: «это ..
..... Воейковъ. Мнѣ надо Булгарина».

— «Вѣрно онъ отправленъ въ новое адмиралтейство», сказали ей. Она отправилась туда, и очутилась въ нѣжныхъ объятіяхъ чувствительнаго Фаддея.

Это происшествіе очень огорчило Булгарина; ему стыдно было, что другіе за него поплатились, и онъ выразилъ свое огорченіе Бенкендорфу, называлъ себя обиженнымъ, обезчещеннымъ, говорилъ объ отчаяніи жены и проч. Недѣли чрезъ три вышелъ Дмитрій Самозванецъ, и авторъ его получилъ въ подарокъ отъ государя богатый брилліантовый перстень. Въ память нашего ареста онъ подписалъ подѣ портретомъ государя: 30 января 1830, и никогда не прощалъ этого оскорбленія.

X.

Булгарина обвиняли во взяткахъ за статьи, но онъ не бралъ денегъ, а довольствовался небольшою частичкою выхваляемаго товара или дружескимъ обѣдомъ въ превознесенной новой гостиницѣ, вовсе не считая этого предосудительнымъ; бралъ вознагражденіе, какъ берутъ плату за объявленія, печатаемыя въ газетахъ. И я бралъ взятки своего рода: печатая статьи о новоприѣзжихъ знаменитыхъ артистахъ; я приглашалъ ихъ къ себѣ на вечера, и они тѣшили своими талантами меня, мою семью, моихъ пріятелей. Когда, въ 1845 году, въ Боннѣ, на празднествѣ, при открытіи памятника Бетговену, я вошелъ, въ гостиницу *Um goldnen Stern*, въ общую столовую, бросились ко мнѣ Листъ, Серве, Сивори, Дулькенъ, Блавъ съ женою и еще нѣкоторые другіе артисты, бывавшіе въ Петербургѣ, и потомъ пили за мое здоровье. Это изумило Жюль-Жанена, сидѣвшаго за столомъ подлѣ меня.

— «Какъ они превозносятъ русскаго журналиста!» сказалъ онъ: «намъ не добиться этой чести!»

— «Точно такъ, возразилъ Блазъ: въ Парижѣ мы подчиваемъ журналиста, а въ Петербургѣ журналисты насъ угощали».

Еще оскорбительнѣе и несправедливѣе было обвиненіе Булгарина въ шпіонствѣ. Опишу всѣ случаи и обстоятельства, подавшія поводъ къ этому гнусному обвиненію. Я былъ знакомъ съ директоромъ особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ (что нынѣ III отдѣленіе канцеляріи государя) Максимомъ Яковлевичемъ фонъ-Фокомъ съ 1812 года, и пользовался его дружбою и благосклонностью. Онъ былъ человекъ умный, благородный, нѣжный душою, образованный, въ службѣ честный и справедливый. Ему обязаны государь и Россія многими благими мыслями и дѣлами (съ 1825 по 1831 годъ, въ которомъ онъ умеръ 27-го августа, въ день покоренія Варшавы). Бенкендорфъ былъ одолженъ ему своею репутациею ума и знанія дѣла. Въ послѣдніе годы царствованія Александра, впалъ онъ въ немилость, по наговорамъ и кознямъ Магницкаго и другихъ негодяевъ, старавшихся посредствомъ его столкнуть графа Кочубея. Онъ не былъ удаленъ отъ службы, но всѣ дѣла по секретной части производились у Аракчеева и у военнаго генераль-губернатора графа Милорадовича. Эта секретная часть, занимаясь пустяками и ничтожными доносами, не понимала ни духа, ни желанія публики, и дала совершиться пагубному взрыву 14 декабря 1825 года.

На другой день послѣ Петербургской вспышки, написалъ я записку о причинахъ этого возмущенія, и, между прочимъ, сказалъ, что тому способствовало удаленіе многихъ способныхъ людей, и въ томъ числѣ М. Я. фонъ-Фока. Я подалъ эту бумагу новому военному генераль-губернатору П. В. Кутузову для поднесенія государю; но такъ какъ въ то время, для секретныхъ дѣлъ составлено было III отдѣленіе канцеляріи его императорскаго величества, то онъ препроводилъ туда и эту бумагу. Такимъ образомъ она попала въ руки фонъ-Фоку, который узналъ изъ нея мою искреннюю дружбу и уваженіе къ нему, бывшему тогда въ немилости и всѣми оставленному. Это сблизило насъ еще болѣе, и доставило мнѣ случай дѣлать, при посредствѣ фонъ-Фока, много добра и еще болѣе предупреждать зла. Булгаринъ побаивался его, помня за собою многіе грѣшки,

впрочемъ неважные и происходившіе отъ дерзости, смѣшанной съ трусостью.

Когда, въ іюнѣ 1826, обнародовано было «Донесеніе слѣдственной комиссіи», и оказалось, кто именно и за что обвиненъ, слѣдственно нельзя было опасаться никакихъ по этому дѣлу обвиненій, я, между разговорами, сказалъ Булгарину:

— «Теперь это дѣло прошлое. Помнишь-ли ты разговоръ нашъ 14 декабря, когда мы сходили съ крыльца, чтобъ ѣхать въ сенатъ за манифестомъ? Ты сказалъ мнѣ: «Еслибъ я зналъ, что ты умѣешь хранить тайну, то сообщилъ бы тебѣ секретъ». Я отвѣчалъ: «Не хочу знать твоихъ глухихъ секретовъ».

— «Ну, ну, не сердись! Скажу тебѣ, что Александръ Бестужевъ бѣжитъ въ эту ночь».

На это я возразилъ: «Такъ вотъ твой секретъ! Что тутъ дивнаго? Бестужевъ адъютантъ герцога Виртембергскаго, конечно, нагрубилъ или сдѣлалъ какую либо неприятность великому князю (такъ мы называли тогда Николая Павловича), и теперь струсилъ. Скажи, пожалуйста, кто тебѣ тогда открылъ это?» Булгаринъ отвѣчалъ смутившись: «Это мнѣ сказала Танта*», и прервалъ разговоръ.

На другой день, 25 іюня, пришелъ онъ ко мнѣ поутру, и нашедши яѣсьволько чужихъ, повелъ меня въ другую комнату, и сказалъ дрожащимъ голосомъ съ умильтельнымъ видомъ: «Любезный Грець! Понимаю, что ты, какъ вѣрноподанный государя, обязанъ доносить ему обо всемъ, что можетъ быть ему полезно. Но мнѣ, какъ старому другу, сдѣлай одолженіе, если ты, по долгу присяги, донесъ объ нашемъ разговорѣ фонъ-Фоку, признайся откровенно, чтобъ я могъ принять мои мѣры».

Я не зналъ, смѣяться-ли мнѣ или сердиться этому глупому наѣту, и отвѣчалъ:

— «Если ты думаешь, что я подлець, то я хочу, чтобъ ты, по крайней мѣрѣ, не думалъ того же о фонъ-Фокѣ. Требую, чтобъ ты непременно сегодня же поѣхалъ со мною къ нему, и узналъ, что это за человекъ».

*) Тетка жены Булгарина, извѣстная въ свѣтѣ и въ литературѣ подъ названіемъ Танты, какъ говоритъ Измайловъ о дворовой собакѣ: предобралъ, презаал! Имя ея не разъ встрѣчалось въ эниграммахъ на Булгарина, напримѣръ:

Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей Танты.

Н. Г.

Мы дѣйствительно отправились на дачу въ Фоку, и я представилъ ему Булгарина съ слѣдующими словами:

— «Вотъ Булгаринъ, о которомъ я доносилъ вамъ, что онъ участвуетъ въ заговорѣ Рылѣва и Бестужева». М. Я. фонъ-Фокъ принялъ насъ дружески. Булгаринъ разсыпался въ любезностяхъ и островахъ, и понравился, какъ хозяину, такъ и всему его семейству; водворился у него въ домѣ и посѣщалъ его ежедневно, но не доносилъ, а выспрашивалъ и выглядывалъ, не грозитъ-ли какая либо бѣда ему или «Пчелѣ». Онъ былъ представленъ фонъ-Фокѣмъ и Бенкендорфу, кланялся, льстилъ и хвалилъ по-польски, но никогда не былъ употребляемъ по секретнымъ дѣламъ, и только развѣ жаловался на обиды, которыя претерпѣвалъ отъ Воейкова, Краевскаго и другихъ журналистовъ.

Онъ до крайности боялся жандармеріи, и завидя издали лошадей съ синимъ чапраномъ, хватался за шляпу и кланялся. Бенкендорфу понадобился польскій секретарь. Фаддей рекомендовалъ ему друга своего, Леонарда Викентьевича Ордынскаго, человѣка честнаго. Булгаринъ полагалъ, что будетъ чрезъ Ордынскаго еще лучше узнавать, не готовится-ли какая напасть на «Пчелу», но ошибся въ своемъ расчетѣ. Ордынский, утвердись на своемъ мѣстѣ, поднялъ носъ предъ своимъ патрономъ, и на вопросъ Булгарина: «неужели ты не будешь сообщать мнѣ, если кто нибудь станетъ мнѣ угрожать изъ графскаго кабинета?» отвѣчалъ съ благородною гордостью человѣка, не имѣющаго нужды въ спрашивающемъ: «Ничего тебѣ не скажу, ибо не хочу осрамить твоей рекомендаціи, и ни въ какомъ случаѣ не нарушу моихъ обязанностей ни для кого».

Булгаринъ опѣшилъ, испугался неожиданной честности своего бывшего друга и кліента, и даже сталъ его бояться. Ордынский не только не прекращалъ съ нимъ дружбы, но и сблизился съ нимъ еще болѣе, водворился у него въ домѣ, и сталъ хозяйничать и командовать какъ у себя. Булгаринъ не смѣлъ пикнуть и предоставилъ ему дѣлать что угодно. До какихъ предѣловъ простиралась эта уступчивость, по совѣсти сказать не могу. Она прекратилась только смертью Ордынскаго въ маѣ 1852 года. Булгаринъ почтилъ память его въ «Сѣверной Пчелѣ» великолѣпнымъ некрологомъ. Онъ имѣлъ всю причину оплакивать Ордынскаго, который удерживалъ его отъ многихъ необ-

думанныхъ и даже неблагородныхъ поступковъ. Еслибъ Ординскій былъ въ живыхъ до 1856 года, не послѣдовало бы тѣхъ непростительныхъ подвиговъ противъ меня, которыми Булгаринъ посрамилъ свою память.

Люди, не знающіе дѣла, обвиняютъ Булгарина въ томъ, будто онъ донесъ на роднаго племянника своего, подпоручика генеральнаго штаба Демьяна Александровича Искрицкаго въ томъ, что онъ былъ у Рылѣва въ собраніи мятежниковъ 13 декабря. Это суцая ложь. Искрицкій приходилъ ко мнѣ 14 декабря часовъ въ 12 утра; потомъ остановился подъ окнами моей квартиры въ домѣ Бремме, на углу Исакиевской площади и Новоисакиевской улицы, и простоялъ часовъ до четырехъ, т.-е. до сумерекъ. На третій день приходитъ ко мнѣ Булгаринъ, и рассказываетъ, что Искрицкій объявилъ ему, что наканунѣ мятежа онъ былъ у Рылѣва, видѣлъ нѣкоторыхъ офицеровъ и другихъ, но въ разговорахъ и сужденіяхъ ихъ не участвовалъ. Булгаринъ прибавилъ, что это объявленіе его сконфузило, потому что у него, можетъ быть, спросать, знаетъ-ли онъ о присутствіи Искрицкаго у Рылѣва: что дѣлать въ этомъ случаѣ? Я отвѣчалъ: «Если спросать, то отвѣчай правду, а пока не спрашиваютъ, молчи». Въ это время Булгаринъ былъ въ страшной тревогѣ, и всячески старался допроситься, что происходитъ въ слѣдственной комиссіи, кто и что отвѣчаетъ, и т. п. Между тѣмъ братъ Демьяна, Александръ Искрицкій, бывший тогда юнкеромъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, пришелъ къ Булгарину въ небытность его дома, и попросилъ его жену отдать ему книгу его, назвавши ее *Lenchen*, какъ называли ее до свадьбы, бывшей за четыре мѣсяца предъ тѣмъ. Вдругъ вскочила Танта изъ другой комнаты и закричала: «Мой племянникъ нѣтъ есть *Lenchen*. Онъ есть *Frau Capitänin von Boulgagin*».

Искрицкій отвѣчалъ улыбаясь:

— «Она все та же наша *liebes Lenchen*», и ушелъ съ книгою.

Когда Булгаринъ воротился домой, Танта вскинулась на него: «Къ чему же вы женились на *Lenchen*, когда ваши племянники трактуютъ ее, какъ дѣвку? Сейчасъ приходилъ вашъ племянникъ Александръ, и разругалъ ее наповаль!»

Булгаринъ всмыкалъ, сѣлъ за письменный столъ и настро-

чилъ къ Демьяну ужаснѣйшее письмо, назвавъ отца его взяточникомъ, а мать (свою сестру) негодной женщиной, спрашивалъ, какъ братъ его, Александръ, дерзнулъ разругать благородную женщину, и грозилъ приколотить всѣхъ ихъ.

Вскорѣ затѣмъ Демьянъ явился къ Булгарину, у котораго сидѣлъ тогда въ гостяхъ Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ, и держа въ рукахъ письмо, спросилъ: «Кто это написалъ?»

Булгаринъ, поблѣднѣвши, отвѣчалъ: «я!»

— «Такъ вотъ тебѣ, подлецъ!» возразилъ племянникъ, ударивъ его въ щеку. Булгаринъ отвѣчалъ тѣмъ же. Княжевичъ поспѣшилъ уйти. Въ ожесточенной дракѣ они приколотили другъ друга. Лицо Булгарина покрылось синяками; онъ сорвалъ съ Искрицкаго эполеты и аксельбантъ, и оба они слетѣли съ лѣстницы. На другой день явился ко мнѣ Булгаринъ въ синихъ очкахъ, которыя носилъ послѣ всякаго подобнаго побоища, и объявилъ: «Бѣда мнѣ. Я побилъ вчера подлеца Демьяна и теперь вижу, что я погибъ. Онъ донесетъ, что я зналъ о присутствіи его въ собраніи у Рылѣва».

Я старался успокоить его, но онъ былъ неутѣшенъ. Черезъ нѣсколько дней встрѣтился съ нимъ Андрей Андреевичъ Ивановскій, чиновникъ канцеляріи слѣдственной комисіи, и сказалъ ему: «Бѣдный Искрицкій! его возьмутъ завтра. Доискали, что онъ былъ наканунѣ 14 числа въ совѣтѣ у Рылѣва».

Булгаринъ обмеръ и воротясь домой, написалъ Демьяну Александровичу, что имѣетъ сообщить ему о важномъ дѣлѣ, и просилъ его прійти. Демьянъ, думая, что случилось что нибудь съ его отцемъ или матерью, прибѣжалъ немедленно. Булгаринъ, указывая ему на стаканъ съ водою, сказалъ: «Смотри, Демьянъ, осьмой стаканъ холодной воды пью, и не могу утолить огня, который жжетъ меня. Тебя возьмутъ завтра».

Демьянъ Александровичъ отвѣчалъ: «Покорнѣйше васъ благодарю за доносъ».

— «Нѣтъ», возразилъ Булгаринъ, бросившись на колѣни и сложивъ пальцы на крестъ: «клянусь тебѣ съ дінами моей матери, я не доносилъ на тебя».

— «Такъ почему же вы это знаете?»

— «Узналъ случайно», сказалъ Фаддей, «но отъ бога, сказать не смѣю. Повѣрь мнѣ, клянусь».

— «Дудки!» промолвилъ Искрицкій и пошелъ домой. На другой день явился въ чертежную топографическаго депо адъютантъ Кутузова, полковникъ Манзей, и спросилъ у бывшихъ тамъ офицеровъ: «Кто изъ васъ господинъ Искрицкій?»

— «Я», отвѣчалъ Демьянъ Александровичъ: «что вамъ угодно?»

— «Пожалуйте со мною».

— «Куда? въ крѣпость?»

— «Точно такъ».

— «Иду. — Прощайте, господа», сказалъ онъ товарищамъ: «это штука Булгарина».

Черезъ нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Петербургъ Александръ Михайловичъ Искрицкій. Булгаринъ просилъ меня пойти къ нему и объяснить дѣло. Искрицкій, который всегда былъ очень хорошъ со мною, встрѣтилъ меня съ огорченіемъ, но учтиво и когда я заговорилъ о Булгаринѣ, прервалъ меня словами: «Ради Бога Н. И., не говорите объ этомъ ц....., котораго я одѣвалъ, обувалъ, кормилъ, когда онъ возвратился изъ плѣна, нагой, босой и голодный. Не вѣрю никакимъ доказательствамъ». — «Итакъ, отложимъ это дѣло до освобожденія Демьяна Александровича: онъ приговоренъ къ шестимѣсячному аресту въ крѣпости: это время пройдетъ скоро, и тогда я докажу вамъ истину моихъ словъ». Въ продолженіе ареста, посылалъ я къ отцу французскія книги для чтенія Демьяну, и онъ обходился со мною дружески. Налонецъ, осенью 1826 года, приходитъ ко мнѣ Булгаринъ и говоритъ: «Демьянъ выпущенъ и уже дома. Сдѣлай милость, поиди туда, и уладь наше дѣло». Я пошелъ съ удовольствіемъ. Демьянъ лежалъ на каначе въ гостиной. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ и бросился меня обнимать, благодаря за неоставленіе его въ крѣпости. И отецъ, и мать благодарили меня со слезами за мое участіе. Когда улеглись первые порывы, я сказалъ молодому человѣку: «Демьянъ Александровичъ! Теперь ваша обязанность примирить вашихъ родныхъ, объяснивъ какъ было дѣло. Вѣдь не Булгаринъ донесъ на васъ». Демьянъ покраснѣлъ и смутился.

— «Помилуйте, Николай Ивановичъ, сказалъ отецъ его: что вы насъ смущаете, говорите о человѣкѣ, котораго мы всѣ нена-

видимъ и презираемъ. Сынъ мой встанъ изъ могилы полумерт-
вый, а вы напоминаете ему о п....., который его сгубилъ
было».

— «Александръ Михайловичъ!» возразилъ я: «я думалъ, что
принесу вамъ удовольствіе, помиривъ Булгарина съ его роднею,
а если вамъ это не угодно, дѣлайте какъ хотите. Я не имѣю въ
этомъ никакого голоса». Поговоривъ еще нѣсколько минутъ, я
отправился въ Булгарину, и объявилъ ему о моемъ неуспѣхѣ.
Тѣмъ дѣло и кончилось. Демьяна перевели тѣмъ же чиномъ въ
оренбургскій гарнизонъ, и когда открылась война съ Персіею,
послали на Кавказъ. Онъ служилъ очень усердно и сражался
храбро (при графѣ П. П. Сухтеленѣ) противъ непріятеля, и
при заступничествѣ этого благороднаго человѣка, вонечно вы-
брался бы изъ крайняго положенія, но не дожилъ до того: и
умеръ отъ болѣзни въ селеніи Царскіе Колодцы. Въ послѣдствіи
узналъ я отъ Сухтелена, что онъ до конца своей жизни называлъ
Булгарина виновникомъ его несчастія. Это было не хорошо. На
него показали въ слѣдственной комисіи графъ Коновницынъ, а
Булгаринъ никогда не думалъ доносить. Эта клевета чернила
Булгарина при жизни, чернить и по смерти. Долгомъ поставляю
протестовать противъ такой несправедливости. Все произошло
отъ трусости (*lâcheté*) Булгарина, смѣшанной съ дерзостью и
необузданностью нрава. Всему источникомъ была гнусная, злая
баба Танта, которую самъ Булгаринъ ненавидѣлъ въ душѣ
своей.

Я сказалъ выше, что смерть Ордынскаго отняла у Булга-
рина послѣднюю нравственную опору: онъ пересталъ бояться
строгости Ордынскаго, и предался влеченію всѣхъ страстей
своихъ.....

Н. И. Гречъ.

Отъ Редаціи. Біографическій очеркъ О. В. Булгарина, — состав-
ленный Н. И. Гречемъ, напечатанъ нами съ рукописи, перебѣленной
съ подлинника подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора. Копія
выправлена во многихъ мѣстахъ рукою Николая Ивановича; — напе-
чатана она нами безъ конца, такъ какъ далѣе идетъ изложеніе весьма
неинтересныхъ денежныхъ расчетовъ Греча съ Булгаринымъ по „Сѣ-
верной Пчелѣ“; кромѣ того въ самомъ изложеніи мы кое-гдѣ вы-
кинули рѣзкія голословныя выходки какъ противъ Булгарина, такъ и

противъ поляковъ, — на что довольно щедръ составитель биографіи. Вообще въ рѣзкости сужденій Н. И. Греча о личномъ характерѣ Булгарина, и объ общественной и литературной его дѣятельности надо относиться весьма осторожно. Дѣло въ томъ, что статья написана въ періодъ полнѣйшаго уже разлада Греча съ Булгаринымъ, въ послѣдніе годы жизни Θ. В., а частью даже послѣ его смерти... Что Гречъ не всегда такъ думалъ о своемъ многолѣтнемъ сотоварищѣ и о его дарованіяхъ, это доказываетъ онъ самъ въ другой, подлинной его руки биографіи того же Булгарина.

Въ видахъ полнѣйшаго безпристрастія для сужденія о Θ. В. Булгаринѣ, — печатаемъ другую его биографію, составленную г. Гречемъ около 1833 г. А чтобы уяснить тѣ исключительныя обстоятельства, среди которыхъ трудились русскіе литераторы и издатели 1830-хъ, 1840-хъ, и начала 1850-хъ годовъ, — приводимъ два документа: отношенія цензурнаго комитета къ Булгарину. Бумаги эти снимаютъ съ него укоръ, который не разъ былъ дѣланъ въ позднѣйшихъ монографіяхъ о его будто бы тѣсныхъ связяхъ съ разными официальными учрежденіями, проще сказать съ тайной полиціей, зорко слѣдившей за направленіемъ русской печати.

Ред.

II.

Извѣстіе Н. И. Греча о жизни и сочиненіяхъ Θ. В. Булгарина *).

Письмо къ г. Ферри де-Пиньи.

Вы требуете отъ меня биографической статьи о другѣ и товарищѣ моемъ Булгаринѣ. Вещь нѣсколько затруднительная! Хотя въ продолженіе осьми лѣтъ, будучи почти ежедневно вмѣстѣ, я могъ узнать многое, но не долженъ высказывать всего. Иное покажется теперь нелюбопытнымъ для публики, другое было бы неумѣста въ биографіи живого человѣка; кое-что показалось бы пристрастнымъ подъ перомъ друга, а можетъ быть и слишкомъ строгимъ. Во многихъ случаяхъ его жизни надлежало бы представлять нѣкоторыя лица въ не-

*) Ферри де-Пиньи прислалъ изъ Парижа къ Θ. Булгарину небольшую биографическую статейку о немъ на французскомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобы онъ дополнилъ ее своими замѣтками. Н. И. Гречъ взялъ на себя эти дополненія и изложилъ въ довольно пространномъ письмѣ на русскомъ языкѣ. Какъ корректура французской статьи, такъ и русскій оригиналъ письма г. Греча — находятся у насъ. Мы приводимъ только письмо Н. И. Греча къ Ферри де-Пиньи. Сколько намъ извѣстно, оно никогда не было напечатано.

Ред.

благопріятныхъ цвѣтахъ. Но я обѣщаль, и постараюсь сдержать слово какъ можно въ семь краткомъ очеркѣ.

Θ. Булгаринъ происходитъ отъ благородной литовской фамиліи, пользовавшейся при прежнемъ порядкѣ вещей большимъ уваженіемъ въ своей провинціи, какъ то свидѣтельствуютъ сеймовые акты. Многіе изъ сей фамиліи были послами на сеймѣ и поступали всегда честно и благородно. О великодушномъ подвигѣ одного изъ нихъ говорить съ великою похвалою поэтъ и историкъ Нѣмцевичъ, въ жизни Рейтана, сеймоваго маршала. Голубыя ленты не переводились въ фамиліи Булгаринныхъ, которая и нынѣ въ Литвѣ пользуется уваженіемъ, и соединена узами родства съ лучшими фамиліями. Мать его, урожденная Бучинская, происходитъ по прямой линіи отъ Бучинскаго, бывшаго другомъ и канцлеромъ Дмитрія, перваго самозванца. Не случайте фамильными подробностями: всѣ единоземцы моего товарища чрезвычайно любятъ хронологію своихъ фамилій, и я, зная это, дѣлаю сіе въ угодность ему.

Отецъ Булгарина, во время послѣдняго возстанія знаменитаго Костюшки въ Польшѣ, съ которымъ онъ былъ въ связяхъ, былъ гражданско-военнымъ комиссаромъ отъ высшаго правительства въ Новгородскомъ воеводствѣ, что соотвѣтствуетъ званію французскаго *représentant du peuple*.

Мать Θ. Булгарина, оставивъ свое имѣніе на произволъ военныхъ обстоятельствъ, жила въ то время въ Несвижѣ съ дѣтьми. Генералъ графъ Ферзенъ, побѣдившій и плѣнившій впослѣдствіи Костюшку, стоялъ тогда съ корпусомъ въ семь городѣ, и обходился весьма ласково и нѣжно съ уstraшенными обывателями. Бывая въ домѣ матери Булгарина, Ферзенъ полюбилъ ея сына, рѣзваго, румянаго и веселаго мальчика и часто бралъ его къ себѣ на квартиру. Булгарину тогда было около 6-ти лѣтъ отъ роду. Однажды Ферзенъ показалъ ему небольшой турецкій кинжалъ и поугая, и спросилъ: что онъ хочетъ взять въ подарокъ? Булгаринъ взялъ кинжалъ, и пока Ферзенъ принималъ гостей въ залѣ, маленькій шалунъ успѣлъ перерубить всѣ мебели въ его кабинетѣ, перебилъ стекла, изломалъ клѣтку и чуть не убилъ поугая, который бросался на мальчика во время ломки клѣтки. Ферзенъ смѣялся, и велѣлъ отнять у мальчика кинжалъ; но онъ, ставъ въ уголъ и закрывшись стуломъ, защищался до послѣдней крайности. Это понравилось Ферзену, который обѣщаль родителямъ имѣть о немъ попеченіе на будущее время. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается потому, что оно имѣло сильное вліяніе на всю жизнь Булгарина, *en le fixant en Russie depuis son enfance*.

Послѣ окончанія войны, Ферзенъ былъ сдѣланъ директоромъ су-

холутнаго кадетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій) и чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ въ Петербургѣ своего маленькаго проказника, который находился при своей матери, приѣхавшей въ столицу по дѣламъ. Булгаринъ принятъ въ корпусъ въ 1799 году.

Здѣсь Булгаринъ совершенно забылъ свой природный языкъ. По смерти графа Ферзена всякое покровительство для него кончилось, и онъ попалъ въ огромную толпу кадетъ, которыхъ поощряли, но не принуждали учиться ничему, кромѣ математики, къ которой Булгаринъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Но будучи отличнымъ ученикомъ въ прочихъ наукахъ, особенно въ языкахъ и русской словесности, Булгаринъ обратилъ на себя вниманіе одного почтеннаго человѣка, корпуснаго офицера и учителя русскаго языка Лантинга. Сей валялъ на себя трудъ споспѣшествовать образованію Булгарина, велѣлъ ему ходить къ себѣ на квартиру и въ свободное время училъ языкамъ, заставлялъ читать, переводить, и поправлялъ сочиненія юноши. Булгаринъ въ предисловіи къ своимъ маленькимъ сочиненіямъ изъявляетъ благодарность свою сему первому своему благодѣтелю. Булгаринъ съ весьма юныхъ лѣтъ началъ сочинять, и нѣкоторые его корпусные товарищи понынѣ помнятъ наизусть его стихи, особенно сатирическіе. Чрезвычайная пылкость характера и раздражительность были причиною многихъ дѣтскихъ ссоръ и шалостей. Но товарищи любили его, потому что онъ всегда сознавался въ своей винѣ и погрѣшала головою, а не сердцемъ. Всѣ офицеры вспоминаютъ объ немъ понынѣ хорошо.

Настала ужасная борьба Россіи съ Наполеономъ въ 1805 году. Армія требовала офицеровъ, и изъ корпусовъ должно было выпускать по успѣхамъ въ наукахъ, не взирая на лѣта. Булгаринъ назначенъ былъ въ гвардію, но его высочеству цесаревичу угодно было выбрать его, въ числѣ пяти человѣкъ, въ уланскій полкъ своего имани. Булгарину было тогда около 17-ти лѣтъ отъ роду; онъ всю жизнь сожалѣетъ о раннемъ вступленіи въ свѣтъ, гдѣ онъ не нашелъ ни наставника, ни путеводаителя для руководствованія и укрощенія пылакаго его характера, часто вовлекавшаго его въ неприятности. Страсть къ чтенію и школа несчастій довершили образованіе Булгарина. Въ то время награжденія орденами были весьма рѣдки. Булгаринъ за храбрость подъ Фридрихсдомъ награжденъ орденомъ св. Анны 3 класса, будучи корнетомъ. Тогда даже ротмистры и майоры не получали болѣе. Цѣлмй уланской полкъ помнитъ, какъ молодой корнетъ отнял лошадь у француза, когда у него убили его собственную пистолетнымъ выстрѣломъ въ тѣсной сѣчѣ, какъ онъ прискакалъ въ эскадронъ безъ шапки, съ казацкою пикой, оставаясь послѣднимъ въ ре-

травѣ, и какъ билъ въ охотникахъ. Булгарину суждено было не слѣзая съ коня въ военное время.

Возвратясь въ Петербургъ, онъ тотчасъ пошелъ въ походъ въ Финляндію и доходилъ съ корпусомъ графа Каменскаго, въ авангардѣ, до самаго Торнео, находясь во всѣхъ сраженіяхъ. Въ зимнюю кампанію, когда въ 25-ть градусовъ морозу надлежало ночевать на снѣгу, онъ чуть не лишился зрѣнія и слабость глазъ осталась понышѣ ему воспоминаніемъ сей кампаніи.

Возвратясь снова въ Петербургъ, онъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить уланскій полкъ, и вышелъ въ армию, а потомъ принужденъ былъ оставить вовсе службу. Полкъ, въ которомъ онъ тогда находился, стоялъ въ Венденѣ. Булгаринъ пріѣхалъ въ Ригу не сдѣлавъ никакого плана для своей жизни. Отца его уже не было на свѣтѣ, ижѣнне матери было въ разстройствѣ отъ несправедливаго процесса. Что дѣлать! У Булгарина въ карманѣ было только 8 червонцевъ, и съ снѣгъ-то запасомъ онъ рѣшился ѣхать за границу. Товарищи Булгарина, не зная предприимчивости его характера, думали, что онъ шутитъ, но онъ на другой день нашелъ попутчика и отправился въ Варшаву. Вообще, отличительная черта характера Булгарина—есть рѣшительность и быстрое исполненіе предпріятого намѣренія. Сказано и сдѣлано—у него одно и тоже. Трудности остаются назади. Въ Варшавѣ Булгаринъ, познакомившись съ старыми офицерами французской службы и плѣнясь ихъ разсказами, въдумалъ попробовать счастья подъ знаменами Наполеона. Въѣстѣ съ своими соотчичами онъ отправился въ Испанію, служилъ въ нѣсколькихъ полкахъ и кончилъ въ шеволежерахъ, бывъ почти во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ, не считая малыхъ дѣлъ до 1814 года, 2 февраля, въ которомъ взятъ въ плѣнъ прусскимъ партизаномъ Коломбомъ и сперва посланъ въ Голландію; а оттуда въ Померанію, въ городъ Старгардъ. Объ этой эпохѣ жизни Булгарина мнѣ не многое извѣстно, хотя онъ называетъ этотъ періодъ своимъ университетскимъ курсомъ опытности. Знаю только, что онъ возвратился въ Польшу капитаномъ, бывъ послѣ своего плѣна снова во Франціи, и въ 1816 году пріѣхалъ въ Петербургъ. Зиму 1819 года онъ провелъ въ Вильнѣ, гдѣ сталъ печатать въ журналахъ свои стихи и прозу на польскомъ языкѣ, и снискалъ одобреніе многихъ отличныхъ литераторовъ. Возвратясь снова въ Петербургъ, онъ сперва чуждался русской литературы и знакомства съ литераторами, но наконецъ, познакомившись со мною, сталъ писать по-русски, и сначала съ 1820 г. помѣщалъ статьи въ издаваемомъ мною журналѣ „Сынъ Отечества“ и въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія“; потомъ съ 1822 года началъ

самъ издавать журналъ „Сѣверный Архивъ“, въ 1823 прибавилъ къ нему „Литературные Листки“, а съ 1825-го соединился со мною и началъ вмѣстѣ со мною издавать „Сѣверную Пчелу“, „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“. Такимъ образомъ кончилась его странническая жизнь и Булгаринъ, пройдя съ оружіемъ въ рукахъ отъ Торнео до Гвадалквивира, наконецъ промѣнялъ саблю на перо и, какъ онъ говоритъ, учредилъ главную свою квартиру въ Петербургѣ.

Первая юмористическая статья Будгарина, которая открыла настоящій его талантъ и надѣлала шуму въ нашей литературѣ, есть Модная лавка. За симъ слѣдовало множество другихъ, которыя отлично принимаются публикою. Но прежде нежели буду говорить о литературномъ достоинствѣ моего товарища, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о его нравственномъ характерѣ, который воинственнымъ видомъ (*par l'aspect guerrier*) отличаетъ его отъ другихъ литераторовъ *).

Необыкновенная пылкость и раздражительность, способность во всѣмъ возможнымъ впечатлѣніямъ составляютъ основу его нрава — основу общую всѣмъ умамъ творческимъ и наблюдательнымъ. И въ умственномъ отношеніи онъ легко принимаетъ впечатлѣнія и хорошо ихъ удерживаетъ, но только подъ извѣстною формою. Онъ безъ труда выучился разнымъ языкамъ, почти не справляясь съ грамматикою и лексикономъ: въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ, онъ называетъ меня своимъ учителемъ въ русскомъ языкѣ, который онъ было-забылъ въ своихъ заграничныхъ походахъ; но я не помню, чтобъ далъ ему хотя одинъ урокъ. Замѣтивъ въ его статьѣ какой-нибудь оборотъ, несвойственный языку, бывало скажешь ему о томъ, но непремѣнно съ доказательствомъ и примѣромъ: и онъ уже впередъ не впадетъ въ подобную ошибку, да и изъ одного простого правила извлечетъ множество аналогическихъ примѣненій. Б. умѣетъ чувствовать и взаимно оплачивать дружбу, но онъ такой же другъ, какъ другіе бывають любовниками: ревнивъ до крайности. Къ счастью вспышки его вскорѣ потухають **). Съ такимъ ученикомъ нашему брату нетрудно прослыть хорошимъ учителемъ. Духъ наблюдательный есть также одно изъ отличительныхъ его качествъ: онъ скоро и легко усматриваетъ въ людяхъ и въ происшествіяхъ смѣшное и необыкновенное, и безъ труда умѣетъ передать оное: отъ этого сатирическія его статьи богаты рѣзкими мѣстными чертами. Нѣтъ сом-

*) До этого мѣста печатаемъ съ рукописи, правленной рукой Н. И. Греча, далѣе до конца все—подлинной его руки.
Ред.

***) Послѣднія строки со словъ «Б. умѣетъ...» въ подлинникѣ зачеркнуты чернилами.
Ред.

нѣнія, что еслибъ онъ получилъ образованіе совершенно ученое, то могъ бы сдѣлаться знаменитымъ ученымъ, но врядь ли тогда былъ бы искуснымъ и занимательнымъ писателемъ: кабинетные труды нерѣдко изглаживаютъ (*émoussent*) остроту, которая пріобрѣтается и усугубляется въ свѣтѣ и въ суетахъ военной жизни. Повѣрите-ли, что къ сей пылкости присоединяетъ онъ рѣдкое трудолюбіе, неутомимую дѣятельность и настойчивость въ работѣ?

Изъ сочиненій его болѣе всего нравятся нашей публикѣ статьи о русскихъ нравахъ: характеры, слабости, смѣшныя стороны нашихъ свѣтскихъ людей и дамъ, нашихъ баръ, нашихъ приказныхъ, Булгаринъ схватилъ и изобразилъ съ великою живостию и натурою. Ваши читатели не будутъ имѣть того удовольствія, которое имѣли русскіе: многія черты нашихъ нравовъ покажутся имъ слишкомъ рѣзкими, многіе характеры *exagérés*; но это именно отъ того, что они списаны съ природы. Вашъ *Joué* нравится намъ потому, что французскіе нравы намъ извѣстны: мы знакомы съ вашею литературою, съ вашимъ театромъ; мы видимъ французовъ у насъ въ Россіи, сами бывали во Франціи. Но характеры, нравы и обычаи русскихъ вашимъ соотчичамъ совершенно чужды. Ваши *homme de lois* совсѣмъ не то, что наши крѣпчки. Солдаты французскій и русскій равны, можетъ быть, воинскими доблестями; но образъ выраженія сихъ доблестей, побудительныя къ тому причины и т. п. совершенно иные. Модники ваши суть оригиналы, и распространеніемъ подражанія Франціи обогащаютъ свое отечество: наши модники суть жалкія копіи, и разоряя себя, способствуютъ ослабленію отечественной промышленности*). Поэтому совѣтовалъ бы я французскимъ читателямъ смотрѣть на картины Булгарина не какъ на сатиры, ибо во Франціи онъ ими никого не уличить и не исправить, а какъ на историческіе и этнографическіе рисунки, какъ на замѣчанія путешественника о чуждомъ народѣ. Послѣ всего этого повѣрите-ли еще, что у насъ нѣкоторые критики уворяли его печатно въ заимствованіи у Жуи! Непостижимо, до какихъ негѣпостей можетъ дойти подстрекаемая завистью посредственность, когда она берется судить объ истинномъ дарованіи.

Повѣсти Булгарина занимательны, свѣжи и хорошо рассказаны. Философскія его статьи остроумны. Историческія сказанія, характеры и т. п. имѣютъ много истины, живости и интереса. Впрочемъ о немъ не должно судить по всѣмъ его нынѣшнимъ отрывкамъ. Нѣкоторыя писалъ онъ, по несчастной обязанности срочнаго автора, къ извѣстной минутѣ, на извѣстное число строкъ въ журнальномъ листѣ. Но

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «способствуютъ разоренію государства».

теперь занимается онъ сочиненіемъ русскаго Жюльбарта и еще одного большаго романа изъ русской исторіи: я увѣренъ, что сіи два сочиненія дадутъ ему въ русской и общей европейской литературѣ то мѣсто, котораго онъ заслуживаетъ своимъ умомъ, познаніями и талантомъ.

Имѣю честь пребыть и проч., Николай Грець.

III.

Цензура и Булгаринъ.

1848 — 1851 гг.

I.

Санктпетербургскій цензурный комитетъ. С.-Петербургъ. 11 іюля 1848 года, № 44. По высочайшему повелѣнію. Г. надворному совѣтнику Фаддею Булгарину. Въ июньской книжкѣ журнала „Библіотека для чтенія“ напечатана ваша статья подъ заглавіемъ: „Воспоминанія Фаддея Булгарина,“ въ которой собраны, между прочимъ, разныя подробности о покойномъ графѣ Сперанскомъ.

Не останавливаясь на многихъ, вкравшихся въ эту статью историческихъ невѣрностяхъ и ошибкахъ, государь императоръ изволилъ сдѣлать на упомянутую статью слѣдующія замѣчанія:

1) Авторъ говоритъ, что императоръ Александръ поручалъ Сперанскому обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ высшаго государственнаго управленія, передавалъ ему всѣ поступившіе по этому предмету проѣкты, и наконецъ поручилъ ему составленіе плана государственнаго образованія. Независимо отъ перваго вопроса: откуда взяты авторомъ свѣдѣнія, столь положительно выраженные, здѣсь рождается и другой: можетъ ли частный человѣкъ распредѣлять, за эпоху столь еще къ намъ близкую, и такимъ диктаторскимъ тономъ, славу государственныхъ подвиговъ между монархомъ и его подданнымъ?

2) Въ статьѣ выведено, что Сперанскій въ 1812 году палъ жертвою вражды и зависти, которыя успѣли очернить его и представить человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ. Сочинитель прибавляетъ даже: „не смѣю называть главныхъ виновниковъ несчастья Сперанскаго, хотя они всѣ уже въ могилѣ—тамъ, гдѣ и жертва ихъ злобы. Но могила не все прикрыла. Добрыя и злыя дѣла остаются и громко вопиютъ въ потомствѣ!“—Далѣе слѣдуютъ подробности объ удаленіи Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ и Пермь, описаніе его ощущеній и проч.

По мнѣнію его величества, вся эта выходка совершенно неумѣст-

на въ печати. Представляя все событіе несчастіемъ незаслуженнымъ и плодомъ однихъ происковъ, она какъ бы наклидываетъ, передъ публикою, тѣнь на характеръ императора Александра, а съ другой стороны прямо намекаетъ на мнимую извѣстность автору самихъ виновниковъ удаленія Сперанскаго и вообще всѣхъ подробностей такого дѣла, которое правительствомъ до нынѣ всегда оставляемо было подъ покровомъ тайны и слишкомъ, какъ уже упомянуто выше, близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало, безъ особаго призванія и, вѣроятно, и безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрывала.

3) Говоря о представленномъ Сперанскимъ въ 1810 году финансовомъ планѣ, авторъ пишетъ, что этотъ планъ: „принесъ величайшую пользу и приноситъ ее до сихъ поръ, предварительнымъ разсмотрѣніемъ смѣтъ и послѣдовательною повѣркою издержекъ въ государственномъ контролѣ, который былъ страшенъ при покойномъ баронѣ Б. Б. Кампенгаузенѣ, человѣкѣ съ необыкновеннымъ умомъ, дѣятельностію, безпристрастіемъ и правдивостію.“—Такую характеристику прежняго, выставленную какъ бы въ противоположность и въ уворъ послѣдующему и настоящему, равно какъ и самое мнѣніе, столь рѣзко произносимое о пользѣ мѣръ государственныхъ, государь императоръ изволилъ также признать совершенно неприличными.

4) Въ означенной статьѣ приводится указъ 1816 года, которымъ Сперанскій опредѣленъ былъ снова въ службу, въ должность пензенскаго гражданскаго губернатора, но приводится не подлинными словами, а будто бы въ видѣ извлеченія его содержанія, которое, между тѣмъ, представлено совершенно превратно. Такъ въ указѣ сказано, что не оказалось „убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ“ на Сперанскаго, тогда какъ въ статьѣ напечатано, что, по произведенному слѣдствію (сихъ словъ совсѣмъ нѣтъ въ указѣ) „обвиненія оказались неосновательными“. Такое искаженіе словъ и смысла высочайшаго указа, въ свое время гласно обнародованнаго, а теперь приводимаго, какъ историческій цитатъ, въ иномъ совсѣмъ видѣ, представляется, какъ его императорское величество изволилъ выразить, столько же дерзкимъ, сколько и пресудительнымъ.

Наконецъ 5) Приводя частный разговоръ свой съ Сперанскимъ о достигнувшемъ его въ 1812 году несчастіи, авторъ влагаетъ въ уста покойнаго графа слѣдующія слова: „Еслибъ я былъ въ семейныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ не-

премѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца“. Государь императоръ изволилъ при этомъ изложить замѣтить, что если слова сіи и были точно сказаны, въ минуту откровенной и не совѣмъ, можетъ быть, осторожной бесѣды, то, вѣрно уже, не для оглашенія ихъ передъ современною публикою; а посему нельзя допускать, чтобы память государственнаго человѣка, такъ сказать вчера еще оставившаго поприще, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и самый образъ дѣйствія правительства, были поносимы приписываніемъ первому подобныхъ мнѣній.

Въ слѣдствіе всѣхъ сихъ замѣчаній его императорское величество высочайше повелѣть изволилъ: сдѣлать автору приведенной статьи строгій за нее выговоръ.

О сей монаршей волѣ г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ мнѣ въ предложеніи отъ 7 іюля за № 951 для надлежащаго исполненія.

Въ слѣдствіе сего, по высочайшему повелѣнію объявляю вамъ строгій выговоръ за вышеупомянутую вашу статью.

Предсѣдатель М. Мусинъ-Пушкинъ.

Секретарь І. Семеновъ.

II.

Попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, канцелярія. Столѣ. Въ С.-Петербургѣ. 9 января 1851 года. № 146. Редактору „Сѣверной Пчелы“ коллежскому совѣтнику Булгарину.

Въ № 2 „Сѣверной Пчелы“ 3-го сего января помѣщена вами статья въ величайшей степени неприличная, заключающая въ себѣ тайный смыслъ, который однако-жъ съ перваго взгляда легко можно разгадать. Вы, во 1-хъ) выставляя, въ лицѣ вашего московскаго корреспондента, вредное будто-бы вліяніе новаго тарифа на отечественную промышленность, обнаруживаете свое неудовольствіе почти безъ всякой утайки, давая чувствовать, что отъ послѣдствій этого тарифа, „для многихъ бѣдныхъ праздники могутъ быть печальными“; во 2-хъ) чрезъ упоминеніе о подаяніи, присланномъ „бѣдному русскому семейству, занимающемуся шитьемъ перчатокъ“, еще яснѣе выражаете свои мысли, какъ бы давая чувствовать, что частные люди вынуждены уже приходить на помощь тѣмъ, которыхъ разорило или разстроило правительство; наконецъ, въ 3-хъ) усиливаете еще все это извѣщеніемъ, что хотя вполнѣ раздѣляете разсужденія своего корреспондента насчетъ закавказской торговли, но не можете ихъ напечатать въ „Сѣверной Пчелѣ“, безъ объясненія свойства сего препятствія, чѣмъ, для знакомыхъ у насъ съ подобными литературными

оборотами, прямо намекаетъ, что этихъ разсужденій не пропустила бы цензура: слѣдственно, что они обращены также въ порицаніе тарифа, съ чѣмъ и вы согласны.

„Сѣверная Пчела“ находится въ рукахъ огромной массы читателей всѣхъ сословій и всякихъ понатій, и упомянутая статья, при самомъ ея помѣщеніи, понята была многими, именно въ вышеизложенномъ предосудительномъ и дерзкомъ смыслѣ, возбуждающемъ публику противъ закона, едва только изданнаго и прикасающагося, болѣе или менѣе, къ интересамъ всѣхъ ея слоевъ.

Такъ какъ подобныя выходы совершенно нетерпимы въ нашей журналистикѣ, то я, во исполненіе послѣдовавшаго нынѣ высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго мнѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ предложеніи отъ 8 сего января, за № 26, объявляю вамъ: крайнее неудовольствіе вышшаго правительства и дѣлаю вамъ строжайшій выговоръ, который распространенъ и на цензора Крылова, не вникнувшаго въ истинное значеніе статьи или пропустившаго оную вопреки сему значенію.

Испечитель с.-петербургскаго учебнаго округа

М. Мусинъ-Пушкинъ.

Примѣчаніе. Оба отношенія М. Мусина-Пушкина къ О. В. Булгарину напечатаны съ имѣющихся у насъ подлинниковъ. Ред.

